7230 CCIII 7/6

О православномъ приходѣ, какъ юридическомъ лицѣ.

Ординарнаго Профессора Демидовскаго Юридическаго Лицея
В. К. Мышцына.

Отдѣльный оттискъ изъ № 1. 1913 г. «Юридическихъ Записокъ», издаваемыхъ Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ.

BX
530

ЯРОСЛАВЛЬ.
1913.

О православномъ приходѣ, какъ юридическомъ лицѣ.

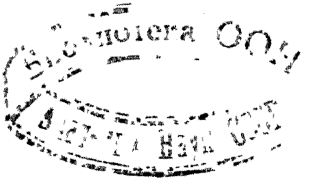
Ординарнаго Профессора Демидовскаго Юридическаго Лицея

В. Н. Мышцына.

Отдѣльный оттискъ изъ № 1. 1913 г «Юридическихъ Записокъ», издаваемыхъ Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ

ЯРОСЛАВЛЬ.
1913

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея *В. Щегловъ*

312
37

Типографія Губернскаго Правленія.

О православномъ приходѣ, какъ юридическомъ лицѣ.

Изъ всѣхъ церковныхъ проектовъ едва ли не съ самымъ большимъ сочувствіемъ былъ принятъ и въ свѣтскомъ обществѣ, и въ духовной средѣ проектъ прихода, какъ юридическаго лица. Не говоря уже о свѣтской печати, даже всѣ епархіальные архіереи въ своихъ отзывахъ, представленныхъ въ Св. Синодъ, согласились признать приходъ собственникомъ всего или части церковно-приходскаго имущества. Сочувственно отнеслось къ этому проекту и Предсоборное Присутствіе. Правда, нѣкоторые наши канонисты возражали противъ проекта, ссылаясь на то, что по канонамъ собственникомъ церковнаго имущества является не церковная община, а церковь. Но на это возраженіе защитники проекта отвѣчали, что каноны отнюдь не есть нѣчто неизмѣнное, и въ данномъ именно случаѣ они никакъ не могутъ быть признаны образцомъ для нашего времени. Эти каноны возникли уже тогда, когда закончилась церковная и вмѣстѣ съ тѣмъ государственная централизація, та централизація, которая убила въ церкви духъ общественности и соборности. Церковь есть прежде всего общество вѣрующихъ, и этому именно обществу вѣрующихъ и должно принадлежать церковное имущество, а не храму или какой-то абстрактной величинѣ Равнымъ образомъ и право распоряженія церковнымъ имуществомъ принадлежитъ не клиру, а самому приходу. Что приходъ, какъ юридическое лицо, спокойно уживается съ православнымъ церковнымъ правомъ, объ этомъ убѣдительно свидѣтельствуетъ исторія русской

церкви. До Петра Великаго, особенно, въ 16 и 17 в. русскій приходъ является собственникомъ всего церковно-приходскаго имущества, и это время, по общему признанію, было временемъ особеннаго подъема церковности, временемъ особеннаго оживленія церковно-приходской жизни Всѣ эти соображенія показались Предсоборному Присутствію столь убѣдительными, что оно приняло проектъ, выработавъ слѣдующее положеніе о приходѣ. «*Въ приходахъ завѣдываніе мѣстнымъ церковноприходскимъ имуществомъ вверяется приходу, какъ юридическому лицу*».

Реформа прихода въ указанномъ смыслѣ казалась многимъ членамъ Предсоборнаго Присутствія настолько безспорной и цѣлесообразной, что они настаивали на немедленномъ ея осуществленіи, не дожидаясь церковнаго собора И если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, Св. Синодъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ не разъ уже представлялъ проектъ въ Совѣтъ Министровъ [1]). Поэтому возможно, что въ самомъ непродолжительномъ времени онъ будетъ утвержденъ или вѣроятнѣе переданъ въ законодательныя учрежденія.

Такъ ли дѣйствительно безспоренъ съ своей конструктивной стороны этотъ проектъ? Дѣйствительно ли онъ такъ хорошо укладывается въ рамки православнаго церковнаго права?

На эти вопросы я со всею рѣшительностью даю отрицательные отвѣты. При всей его популярности этотъ проектъ слѣдуетъ признать совершенно неудачнымъ, простымъ недоразумѣніемъ. Всѣ основанія, которыя приводились въ защиту каноничности надѣленія прихода правомъ юридическаго лица на мѣсто приход-

---

[1]) По газетнымъ сообщеніямъ, Св Синодъ въ дальнѣйшихъ работахъ, сохраняя за приходомъ право юридическаго лица, вводитъ раздѣленіе церковно-приходскаго имущества на два разряда. имущество, принадлежащее церкви, и имущество, принадлежащее приходу При разсмотрѣніи этого проекта въ Совѣтѣ Министровъ бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ А А Макаровъ высказалъ, что раздѣленіе имущества съ особымъ порядкомъ управленія для каждой категоріи и съ устраненіемъ мірянъ отъ всякой соприкосновенности къ имуществу чисто-церковному закрѣпляетъ въ новой формѣ ненормальное положеніе мірянъ по отношенію къ приходскому духовенству. Замѣчанія министровъ побудили Св Синодъ внести въ проектъ существенныя поправки (Русское Слово. 1912 г 11 дек.)

ской церкви—теоретическія (общее понятіе о церкви) и историческія (древнерусскій приходъ въ XVI и XVII в.) или невѣрны или совершенно бездоказательны. Тщательное изученіе исторіи церковно-имущественнаго права православной церкви вынуждаетъ насъ утверждать, что признаніе собственникомъ церковнаго имущества не приходской церкви, а прихода, является нарушеніемъ основныхъ началъ православнаго церковнаго права, началъ, которыми мы должны дорожить, какъ специфически-христіанскими, и вмѣстѣ съ тѣмъ уклоненіемъ въ сторону свѣтскаго и даже языческаго (древнеримскаго) права. Доказательству этого положенія и посвящаются нижеслѣдующія строки.

Хотя классическіе римскіе юристы не дошли до теоретическаго построенія понятія юридической личности, тѣмъ не менѣе имъ былъ извѣстенъ кругъ такихъ явленій, къ которымъ примѣнялась форма юридическаго лица. Они знали такія правообразованія, которыя на ряду съ физическими лицами были надѣлены гражданскою правоспособностью. Но въ высшей степени замѣчателенъ тотъ фактъ, что кругъ этихъ правообразованій, къ которымъ можно было примѣнить понятіе юридическаго лица, у римскихъ юристовъ исключительно исчерпывался тремя его видами, именно муниципіями, коллегіями и товариществами. Только къ нимъ примѣнялась юристами форма юридическаго лица, только о нихъ упоминается въ комментаріяхъ къ эдикту Гая [1]), Павла [2]) и Ульпіана [3]). Только эти юридическія лица вошли въ титулъ Дигестъ Юстиніана, спеціально говорящій о союзныхъ юридическихъ лицахъ [4]). Римскіе юристы сдѣлали даже попытку обобщить всѣ эти виды юридическихъ лицъ въ понятіи

---

[1]) Dig 3, 4, 1, Dig 50, 16, 16
[2]) Dig. 3, 4, 4 6: Dig 50, 16, 18
[3]) Dig. 3, 4, 2 3 5 7; Dig 15, 4, 4 и др
[4]) Dig 3, 4

universitas [1]). Но и это общее понятіе исчерпывается у нихъ исключительно тремя видами юридическихъ лицъ: муниципіями, коллегіями и товариществами публикановъ. Другихъ юридическихъ лицъ римское право не знало.

Всматриваясь въ природу указанныхъ правообразованій, мы видимъ, что всѣ они имѣли несомнѣнно корпоративный, общинный характеръ. Муниципіи—это были общины—города, общины—государства, входившія въ составъ римскаго государства и надѣленныя извѣстною политическою самостоятельностью. Эти автономные города пользовались правомъ управляться по своимъ законамъ, избирать себѣ должностныхъ лицъ и завѣдывать своими дѣлами. Они имѣли свои комиціи, свой сенатъ и своихъ выборныхъ магистратовъ. Администраторы муниципіи выступали всегда, какъ представители общины, какъ ея уполномоченные. Они дѣйствовали municipium nomine, именемъ общины. Ихъ дѣйствія разсматривались какъ дѣйствія общины Если администраторъ поступалъ не согласно съ законами общины и не въ ея интересахъ, то его дѣйствіе не считалось уже дѣйствіемъ общины. До какой степени послѣдовательно былъ проведенъ этотъ принципъ въ римскомъ правѣ, видно изъ того, что по мысли юриста Папиніана [2]) община не обязана платить убытковъ, причиненныхъ третьимъ лицамъ дѣйствіями должностныхъ лицъ, а также изъ того, что, какъ видно изъ комментарія другого римскаго юриста Ульпіана [3]), за заемъ, заключенный для общины, но не на нее затраченный, несетъ отвѣтственность не община, а тотъ, кто заключилъ договоръ займа. Въ основѣ этого положенія лежитъ та мысль, что магистратъ въ случаѣ неправомѣрныхъ дѣйствій выходитъ за предѣлы своей компетенціи, перестаетъ быть уполномоченнымъ общины [4]).

---

[1]) Dig 3, 4 заголовокъ, Dig 38, 3 заголовокъ.
[2]) Dig 31, 78, 2
[3]) Dig 12, 1, 27
[4]) В Ельяшевичъ Юридическое лицо, его происхожденіе и функціи въ римскомъ частномъ правѣ 1910, стр 190

Присущій муниципіямъ корпоративный характеръ, при которомъ въ обществѣ господствуетъ воля самой общины, администрація же получаетъ свои полномочія отъ этой общины, еще замѣтнѣе въ коллегіяхъ, составлявшихъ второй видъ юридическихъ лицъ по римскому праву. Главное управленіе дѣлами коллегіи находилось въ рукахъ самой коллегіи. На своихъ общихъ собраніяхъ (conventus, ἐκκλησία) коллегія издавала свои статуты съ обычной формулой ἔδοξεν τῇ ἐκκλησίᾳ [1]) и placuit universis [2]), принимала новыхъ членовъ, избирала должностныхъ лицъ, рѣшала всѣ важные вопросы, не предусмотрѣнные статутами, производила судъ надъ своими членами и т д. Дѣла коллегіи рѣшались обыкновенно голосованіемъ по одиночкѣ (suffragio universorum) или общимъ выраженіемъ согласія (ex omnium sententia) [3]). Должностныя лица, составлявшія ordo коллегіи, были лишь ея исполнительнымъ органомъ. По окончаніи своей службы они обязаны были дать отчетъ общему собранію [4]).

Дѣятельность коллегій, какъ и муниципій, естественно была направлена на интересы собственно самой общины и неразрывно съ этимъ на интересы самихъ членовъ. Ни римскія, ни греческія коллегіи не имѣли благотворительнаго характера. Онѣ оказывали нѣкоторую матеріальную поддержку своимъ членамъ (особенно при погребеніи умершихъ) лишь въ извѣстныхъ, строго опредѣленныхъ уставомъ случаяхъ и на опредѣленныхъ условіяхъ; ихъ помощь всегда была обставлена извѣстными обязательствами и прежде всего обязательными взносами. Переставшій давать взносъ лишался права на помощь ферейна [5]). Свойственный муниципіямъ и

---

[1]) Corpus inscriptionum graecarum Sept 4256. 4257 4250 и др.
[2]) Corpus inscriptionum latinarum XIV, 2112
[3]) Corpus inscript lat XIV, 2112; Orelli 4957.
[4]) Ср. Liebenam Zur Geschichte und Organisation des romichen Vereinswesens S. 180 и д. 199 и д. 206 -212 Ziebarth, Das griechische Vereinswesen. S 144—146.
[5]) Момзенъ допускаетъ, что общественная касса коллегіи служила между прочимъ и для поддержки бѣдныхъ членовъ (De Colegiis, 91, 115). Но Буасье замѣчаетъ по этому поводу. сознаюсь, что тщательно изучивъ надписи, касающіяся этого предмета, я не нахожу возможнымъ утверж-

коллегіямъ корпоративный характеръ присущъ былъ и товариществамъ публикановъ, въ которыхъ отдѣльныя лица выступали еще яснѣе [1]).

Всѣ означенныя общества обладали гражданской правоспособностью, имѣли право собственности, право продавать, покупать, отдавать въ аренду, вступать въ различные гражданскіе договоры и защищать на судѣ свои права. Для насъ въ настоящемъ случаѣ имѣетъ особенную важность вопросъ, въ какомъ отношеніи къ обществу мыслилось принадлежавшее ему имущество. Какимъ образомъ представлялись римскому правосознанію всѣ эти юридическія лица, какъ собственники имущества—въ видѣ ли абстрактнаго единства или множества живыхъ членовъ?

Имущество корпораціи отнюдь не было имуществомъ многихъ членовъ ея, разсматриваемыхъ въ отдѣльности. Оно строго отличалось отъ имущества членовъ. Ни членъ корпораціи не имѣлъ права требовать извѣстной доли изъ имущества общины, ни кредиторъ общины не имѣлъ права требовать отъ членовъ уплаты долга корпораціи. Но съ другой стороны вѣрно и то, что

дать это» (Римская религія отъ Августа до Антониновъ 561) То же самое говоритъ Фукаръ (Les associations religieuses chez les grecs 1873 p 141—142) Либенамъ на основаніи письма Плинія къ Траяну (93. ad sustinendam tenuorum inopiam) думаетъ, что погребальныя коллегіи имѣли своею цѣлью не только погребеніе членовъ, но и оказаніе имъ поддержки на случай несчастія и болѣзни, что касса ихъ была кассой взаимопомощи (Liebenam, Zur Geschichte und Organisation des romischen Vereinswesens. S 40) Но онъ самъ сознается, что въ надписяхъ нѣтъ ясныхъ указаній на это. Во всякомъ случаѣ о благотворительномъ характерѣ коллегій въ собственномъ смыслѣ не можетъ быть и рѣчи Вешеръ (Wescher, Revue archeologique. 1865, II, p 220 и д.) полагаетъ, что нѣкоторыя греческія коллегіи имѣли задачей помогать нуждающимся и бѣднымъ членамъ; онъ основывается на томъ мѣстѣ декрета героистовъ, въ которомъ признаются законными причинами опозданія при взносахъ—болѣзнь и πεν.. Онъ читалъ это слово за πενίαν т е бѣдность. Но Фукаръ (Les associations religieuses chez les grecs. p 139—152) доказалъ, что справедливѣе читать здѣсь не πενίαν, а πένθος (трауръ), такъ какъ нигдѣ нѣтъ слѣдовъ освобожденія отъ складчины ради бѣдности, напротивъ есть надписи, въ которыхъ прямо говорится объ освобожденіи отъ участія въ общественныхъ собраніяхъ по причинѣ болѣзни и семейнаго траура (De Bas—Waddington; Inscr d'Asiae Mineure № 519) Съ нимъ согласился и такой тщательный изслѣдователь исторіи ферейна, какъ Либенамъ (Zur Geschichte und Organisation des römischen Vereinslebens 1890 S 171).

[1]) См о нихъ у Ельяшевича, указ соч. стр. 409 и д, и у Дернбурга, Пандекты, I, стр. 163 прим. 8

имущество корпораціи не принадлежитъ какому то абстрактному единству, существующему внѣ членовъ ея. Какъ муниципіи, такъ и коллегіи въ римскомъ правѣ мыслятся какъ живыя совокупности людей. Это тѣ же члены, только взятые въ совокупности. Отсюда вмѣсто понятія муниципіи обычно употребляется выраженіе municipes т. е. горожане. Municipes владѣютъ, municipes получаютъ наслѣдство и легаты, назначаютъ представителей, къ нимъ предъявляются иски. Имущество муниципіи и акты совершаемые отъ ея имени, обозначаются словомъ communis. Эта терминологія обыкновенно свойственна какъ законамъ [1]), такъ и классическимъ юристамъ [2]). Все это указываетъ на то, что субъектомъ муниципальнаго имущества являются сами члены муниципіи, взятые въ своей совокупности. Эта множественность въ понятіи муниципіи давала поводъ римскимъ юристамъ задаваться такими казуистическими вопросами. какъ: могутъ ли общины владѣть имуществомъ, разъ municipes, какъ совокупность не имѣютъ души, разъ universi consentire non possunt [3]). На этой же почвѣ у римлянъ возникалъ другой вопросъ: не является ли каждый членъ въ отдѣльности въ извѣстной долѣ собственникомъ муниципальнаго имущества [4]). Какъ извѣстно римское право запрещало допрашивать подъ пыткой раба, какъ свидѣтеля въ пользу или противъ господина. Является вопросъ, можетъ ли быть допрошенъ подъ пыткой servus municipus—рабъ, принадлежащій муниципіи, въ дѣлѣ, касающемся одного изъ членовъ муниципіи. Императоры вынуждены были неоднократно напоминать о допустимости пытки въ такомъ случаѣ. Муниципальный рабъ принадлежалъ не отдѣльнымъ гражданамъ въ соотвѣтствующихъ доляхъ, а всей совокупности ихъ. Какъ вопросъ, такъ и отвѣтъ ясно показываютъ, что рим-

---

[1]) См. Законъ, данный Домиціаномъ (между 82—84 г.) Малакѣ Corpus inscriptionum Lat. II, 1963.
[2]) Dig 3, 4, 1, 1; Dig. 1, 8, 6, 1.
[3]) Dig 41, 2, 1, 22
[4]) Dig. 1, 8, 6, 1; Dig. 48, 18, 1, 7

ское правосознаніе смотрѣло на муниципіи не какъ на отвлеченное единство, стоящее внѣ живыхъ членовъ, но какъ на реальную совокупность живыхъ людей. Однимъ словомъ, муниципальное имущество было корпоративно.

Тоже слѣдуетъ сказать и о другой категоріи юридическихъ лицъ, союзахъ или коллегіяхъ, стоящихъ у классическихъ юристовъ всегда рядомъ съ муниципіями. Имущество коллегіи всегда обособлено отъ частнаго имущества ея членовъ. Предназначенное на общественныя цѣли, оно нераздѣльно, пока существуетъ коллегія. При выходѣ члена изъ коллегіи, онъ теряетъ всякую связь съ имуществомъ коллегіи, если это не оговорено уставомъ. Напротивъ новый членъ коллегіи становится въ непосредственное отношеніе къ ея имуществу. За долги коллегіи члены ея не отвѣчаютъ своимъ имуществомъ. Отдѣльный членъ не въ правѣ вчинить искъ къ должникамъ коллегіи. Однимъ словомъ имущество коллегіи строго обособлено отъ имущества членовъ коллегіи. И тѣмъ не менѣе имущество коллегіи не есть собственность какой-либо отвлеченной величины, стоящей внѣ и надъ ея членами. Оно принадлежитъ самимъ же членамъ лишь въ ихъ совокупности. Лишь формально коллегія является въ оборотѣ, какъ единое лицо, на самомъ же дѣлѣ она есть нѣчто множественное. Этотъ моментъ множественности выражается во множественномъ числѣ самого обозначенія коллегіи: cultores, sodales, juvenes, dendrophori, farbi и др. Это множественное число употребляется и тогда, когда идетъ рѣчь о гражданскихъ сдѣлкахъ коллегіи. Когда римляне хотѣли особенно точно обозначить союзъ, какъ субъектъ правоотношенія, они выражались: ii qui in collegio Silvani hodie essent quique postea subissent или qui in cultu corporis Heliopolitanum sunt eruntve [1]). Имущество коллегіи есть общее имущество всѣхъ ея членовъ. Отсюда и въ законахъ, и у юристовъ, и въ надписяхъ оно называется res communes ratio com-

---

[1]) Corpus inscr. latin. X, 444, 1579

munis. arca nostra, arca cocorum, arca servirorum [1]). Марціанъ сообщаетъ, что если будетъ распущенъ недозволенный союзъ, то его имущество распредѣляется между членами союза [2]). Въ прежнее время предполагали, что это правило дѣйствовало только въ отношеніи къ недозволеннымъ союзамъ, какъ не имѣющимъ правъ юридическаго лица. Въ настоящее время новѣйшіе ученые распространяютъ его на дозволенные союзы, заключая въ этомъ случаѣ a fortiori и подтверждая свое заключеніе ссылкою на нѣкоторыя надписи. Напримѣръ, въ Collegium Sovi Cerneni имущество въ виду ликвидаціи союза распредѣляется между членами. Въ профессіональномъ союзѣ фабрикантовъ и торговцевъ слоновой костью въ Римѣ наличность кассы распредѣлялась въ концѣ года между членами [3]). Далѣе Ульпіанъ говоритъ, что если остается въ коллегіи лишь одинъ членъ, то онъ можетъ вчать искъ точно такъ же, какъ и противъ него можетъ быть вчатъ таковой [4]). «Указывая, говоритъ Ельяшевичъ, что единственный оставшійся членъ союза есть и единственное управомоченное и обязанное лицо по обязательствамъ союза, Ульпіанъ прямо подтверждаетъ, что члены союза являются обладателями имущества послѣдняго; если бы имущество принадлежало не членамъ, а невѣдомому третьему, то никогда Ульпіанъ не могъ бы сказать: jus omnium in unum recciderі [5]) (право многихъ переходитъ на одного). Въ нѣкоторыхъ уставахъ прямо указывались случаи, когда членъ коллегіи могъ требовать причитающуюся ему часть общаго имущества [6]). Итакъ римское право знало юридическія лица лишь *корпоративнаго* характера и имущество, принадлежавшее имъ, считало имуществомъ самой общины, т. е. иму-

---

[1]) Dig. 3, 4, 1, 1; Dig 47, 22, 1, 2; Corpus inscr VI, 8750 и др.
[2]) Dig 47, 22, 3 pr.
[3]) См у Ельяшевича. Юридическое лицо, его происхожденіе и функціи въ римскомъ частномъ правѣ Стр 393
[4]) Dig 3, 4, 7.
[5]) Ельяшевичъ Юридическое лицо, его происхожденіе и функціи въ римскомъ частномъ правѣ Стр. 395
[6]) Dig 47, 22, 1, 2.

ществомъ совокупности ея членовъ. Другія юридическія лица не корпоративнаго характера римскому праву были неизвѣстны.

Римскіе юристы, говоря о различныхъ категоріяхъ союзныхъ юридическихъ лицъ, никогда не упоминаютъ о государствѣ. Причина этого заключается въ томъ, что ни во времена республики, ни въ эпоху принципата государство въ сущности не было юридическимъ лицомъ гражданскаго права. Въ то время какъ современное государство, выступая въ гражданскій оборотъ, подчиняется тѣмъ же формамъ и нормамъ гражданскаго права, какія обязательны и для частныхъ лицъ,—римское государство республиканскаго періода—populus Romanus—и въ частныхъ своихъ сдѣлкахъ дѣйствовало по формамъ особаго, именно публичнаго права, не подчиняясь ни нормамъ гражданскаго права, ни гражданскому суду наравнѣ съ privatae personae. Съ возникновеніемъ фиска—казны цезаря въ отличіе отъ эраріума—казны римскаго народа, находившейся въ завѣдываніи сената, и съ постепеннымъ поглощеніемъ эраріума фискомъ повидимому должна была произойти важная перемѣна въ имущественно-правовомъ положеніи государства. Фискъ съ самаго начала вступилъ въ гражданскій оборотъ на общихъ началахъ съ частными лицами и былъ такимъ образомъ юридическимъ лицомъ. Естественно было ожидать, что теперь и государство будетъ мыслиться какъ юридическое лицо, подчиненное общегражданскимъ нормамъ. Однако и этого не случилось. Дѣло въ томъ, что фискъ въ римскомъ правѣ всегда представляется собственностью принцепса. И хотя принцепсъ въ этомъ случаѣ мыслится какъ представитель государства, и самый фискъ предназначался для общественныхъ цѣлей, тѣмъ не менѣе «для римлянъ за фискомъ стоитъ не государство, а живое, конкретное лицо—принцепсъ. Личность принцепса заслоняетъ собой государство. Связь фиска съ принцепсомъ для римлянъ такъ сильна, что изъ-за нея они не видятъ стоящаго за принцепсомъ государства» [1]).

[1]) Енъяшевичъ. Юридическое лицо и т д стр 93—94 Момзенъ говоритъ (Staatsrecht II, 3 Auflage S 1008) Въ Діоклетіаново-Константинов-

Такъ объясняется тотъ фактъ, что ни въ классическое время, ни позже римляне до представленія о государствѣ, какъ юридическомъ лицѣ, не дошли. Но если даже держаться старыхъ взглядовъ и признавать государство юридическимъ лицомъ, то въ періодъ республиканскій государство мыслилось какъ populus Romanus, народная община, какъ своего рода корпорація и слѣдовательно не выходило изъ круга указанныхъ юридическихъ лицъ. Что же касается того времени, когда римское государство превратилось въ абсолютную монархію, то если даже и считать его юридическимъ лицомъ въ качествѣ института, перенося на него современное понятіе о государствѣ, все-таки необходимо признать, что гораздо ранѣе, чѣмъ это случилось, въ христіанской церкви возникли правообразованія новаго характера, новой юридической структуры, неизвѣстной дотолѣ римскому праву.

Точно также не создавало особаго вида юридическихъ лицъ въ римскомъ правѣ и имущество, посвященное божеству и назначенное на религіозныя цѣли Это имущество имѣло двухъ собственниковъ. Имущество, предназначенное для поддержанія государственнаго культа, по господствующему до сихъ поръ мнѣнію, принадлежало государству, хотя и находилось въ пользованіи коллегіи жрецовъ. Земли, которыми пользовались жреческія коллегіи, считались землями populus Romanus, переданными въ пользованіе жрецамъ на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ предоставлялось пользованіе государственной землей гражданамъ для отправленія культа. Органы государства исполняли по отношенію къ сакральному имуществу тѣ же функціи, что и въ отношеніи къ государственному имуществу. Рабы, входившіе въ составъ сакральнаго имущества, назывались servi publici и употреблялись въ случаѣ нужды для

ской монархіи «нѣтъ болѣе государственной собственности, какъ таковой .. эта послѣдняя растворяется въ собственности dominus» Тоже Карлова (Romische Rechtsgeschichte I, S 505): «чѣмъ болѣе власть принципса превращается въ монархическую, тѣмъ нагляднѣе выступаетъ въ имущественной сферѣ значеніе принципса, какъ самостоятельнаго субъекта государственнаго имущества»

выполненія публичной службы. Самая касса жрецовъ признавалась частью государственной казны, предназначенной для отправленія sacra publica. Отсюда имущество весталки, умершей безъ завѣщанія, по закону достававшееся богамъ, было обращаемо in publicum. Отбирая священныя мѣста, храмы и т. п. и передавая ихъ христіанамъ, христіанскіе императоры исходили изъ мысли, что все это составляетъ часть государственной собственности, и потому государство можетъ распорядиться имъ по своей волѣ. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что по римскимъ народнымъ воззрѣніямъ субъектами сакральнаго имущества являются и сами боги. Особенно это слѣдуетъ сказать о болѣе тѣсномъ кругѣ предметовъ, посвященныхъ божеству, такъ назыв. res divini juris, каковы храмъ, жертвенникъ, утварь и т. д. Какъ понимать эту принадлежность божеству, вопросъ до сихъ поръ окончательно невыясненный. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что res divini juris были совершенно исключены изъ гражданскаго оборота, и субъекты ихъ гражданской правоспособности не имѣли. Право собственности боговъ носило такимъ образомъ чисто отрицательный характеръ, равнялось отрицанію человѣческихъ правъ на res sacrae, вслѣдствіе чего послѣдніе причислялись къ res nullius [1]). Сверхъ того и въ отношеніи къ этимъ вещамъ имѣло мѣсто господство populus Romanus. Лишь съ его разрѣшенія вещи посвящались божеству, управленіе ими возлагалось на политическихъ магистратовъ, и въ случаѣ нужды государство могло употребить ихъ на государственныя цѣли [2]). Однимъ словомъ божество по римскому праву не является ни физической, ни юридической личностью частнаго права. Что касается теперь имущества, предназначеннаго на совершеніе частныхъ культовъ, то оно принадлежало тѣмъ коллегіямъ, которыя ставили себѣ такія цѣли. Такимъ образомъ

---

[1]) Pernice, Labeo I, 258; Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht III, 65.

[2]) Pernice, Labeo I, 259. Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht III, 64

сакральное имущество въ римскомъ правѣ не создавало новыхъ юридическихъ лицъ.

Итакъ римское право знало юридическія лица лишь корпоративной природы. Другія категоріи юридической личности, извѣстныя въ современномъ правѣ, ему были неизвѣстны. Впервые христіанство создало новыя категоріи юридическихъ лицъ и заставило мало-по-малу римское право признать ихъ. «Значеніе христіанства въ исторіи понятія объ обществѣ, говоритъ Гирке, завершается внесеніемъ дотолѣ неизвѣстнаго понятія о церкви. Ибо въ церкви и ея расчлененіяхъ возникъ совершенно новый родъ общеній» [1].

Христіанство создало такіе виды общенія, которые по своей юридической природѣ никоимъ образомъ не могли быть подведены подъ римское понятіе корпораціи Если церковь христіанская вообще и христіанскія церкви въ частности могли быть названы съ одной стороны обществами, корпораціями. то съ другой стороны онѣ включали въ себя признаки, которые были совершенно чужды античному понятію корпораціи и даже несовмѣстимы съ нимъ [2]). Церковь христіанская есть собраніе вѣрующихъ. вѣрнѣе живой организмъ, живое тѣло, члены котораго составляютъ вѣрующіе; но это тѣло есть тѣло Христово, глава этого тѣла—Божественная Личность Христа, въ немъ живетъ и дѣйствуетъ Духъ Святый. Происхожденіе и сущность церкви трансцедентны. Она «связуетъ Небо и землю». Въ созданіи церковнаго порядка и его осуществленіи отчасти дѣйствуетъ воля самихъ вѣрующихъ, которые, будучи священствомъ святымъ, храмами Духа Святаго, активно, а не пассивно только, участвуютъ во всѣхъ сферахъ церковной жизни [3]) Но надъ волей членовъ церкви господствуетъ воля Христа, на всѣ времена обязательная и неизмѣнная. Онъ ея Основатель и Учредитель. Въ Церкви Христовой, какъ и въ корпораціи, есть своя собственная организація; но эта организація

---

[1]) Gierke, ibid III, S 107

[2]) Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht, III, S 108.

[3]) См. подробно объ этомъ у В Мышцына, «Устройство христіанской церкви въ первые два вѣка». Стр 14 и д., 87 и д

получаетъ свои полномочія отнюдь не отъ членовъ корпораціи, а отъ самого Божественнаго Основателя и Учредителя церкви—Іисуса Христа. Она надѣлена чрезвычайными полномочіями и особенными благодатными дарами. Отсюда христіанскія церкви никогда съ перваго момента своего возникновенія не были самоуправляющимися, «демократическими», «суверенными» общинами, какъ это обычно утверждаютъ протестантскіе ученые [1]). Наконецъ, цѣли церкви не ограничиваются ни наличными, живыми членами ея, ни даже будущими ея членами, какъ это бываетъ въ обыкновенной корпораціи. Онѣ обнимаютъ людей всѣхъ націй и всѣхъ временъ, все безъ исключенія человѣчество. Римское корпоративное право не знало такихъ цѣлей. Всѣ эти признаки церкви, вмѣстѣ взятые, показываютъ, что по своей юридической природѣ церковь отнюдь не была корпораціей въ римскомъ смыслѣ слова, что это было *божественное учрежденіе для спасенія человѣчества*, что церковь есть не союзъ только, но и институтъ. Понятіемъ общества, союза, корпораціи отнюдь не исчерпывается юридическая природа церкви. Она есть въ одно и то же время и общество и учрежденіе. Она есть община—институтъ Самъ Іисусъ Христосъ сказалъ: «созижду церковь Мою и врата адова не одолѣютъ ей» (Матѳ. 16, 18) Она есть домъ Божій. Этотъ учредительный или институтный характеръ церкви принадлежитъ глубочайшему существу ея. Внѣ его церковь Христова немыслима. Въ каждый моментъ, во всякомъ проявленіи она должна выступать непремѣнно какъ институтъ—общество. Въ тотъ моментъ, когда церковь перестаетъ быть институтомъ и становится общиной, корпораціей, она порываетъ живую связь съ Главою церкви, со Христомъ и съ учрежденной Имъ въ церкви чрезвычайной организаціей. Итакъ церковь, повторяемъ, не есть общество, но институтъ—общество [2]).

---

[1]) В Мышцынъ, Устройство христіанской церкви въ первые два вѣка. Стр 17, 32 93, 157 и д

[2]) «Церковь, говоритъ Гирке, по своему внутреннему строенію всегда разсматривалась съ двоякой точки зрѣнія, какъ общество вѣрующихъ и

Что новый элементъ, какой мы находимъ въ христіанской церкви по сравненію съ римскими корпораціями, составляетъ существенное отличіе института отъ корпораціи и характеризуетъ церковь, какъ институтъ,— это едва ли нуждается въ доказательствахъ. Корпораціи принято опредѣлять, какъ такое юридическое лицо, которое имѣетъ своимъ субстратомъ союзъ физическихъ лицъ, и за волю котораго принимается соединенная воля всѣхъ членовъ корпораціи. Институтъ же, по общепринятому мнѣнію, есть юридическое лицо, за волю котораго принимается воля учредителя, выраженная въ учредительномъ актѣ, и субстратомъ для котораго служитъ имущество. Наиболѣе ясное разграниченіе корпорацій и институтовъ мы находимъ у Гирке [1]). Онъ говоритъ, что союзные организмы бываютъ двухъ формъ корпоративной и институтной. Первая имѣетъ мѣсто тогда, когда множество волъ порождаетъ изъ себя единую волю: отдѣльныя воли въ отношеніи къ той части ихъ, которую онѣ вносятъ въ союзъ, сливаются въ новое волевое единство. Напротивъ институтное новообразованіе стѣдуетъ обратному направленію, именно такъ, что единая воля часть себя самой пересаживаетъ въ объединяемое ею множество. Однако путемъ соединенія можетъ возникнуть институтъ и путемъ учрежденія—корпорація Первое бываетъ тогда напримѣръ, когда общеполезный институтъ единственно

какъ божественное учрежденіе для спасенія человѣчества, но съ отдѣленіемъ клира отъ мірянъ и съ развитіемъ епископальнаго устройства старое опредѣленіе церкви, какъ congregatio или coetus fidelium, выражало только пассивную сторону понятія о церкви, тогда какъ ея активная сторона была перенесена на спасительное учрежденіе, представляемое духовною должностью» (Das d Genossenschaftsrecht, III, S 110) Это мнѣніе протестантскаго ученаго, заключающее въ себѣ долю правды, значительно преувеличено Современная наука въ лицѣ лучшихъ даже протестантскихъ ученыхъ не признаетъ той рѣшительной эволюціи въ устройствѣ христіанской церкви, какая предполагается этимъ мнѣніемъ Епископальный строй былъ изначаленъ въ христіанской церкви (см у В Мышцына, Устройство христ. церкви въ первые два вѣка, стр 372—405) Но совершенно ненаучно мнѣніе Дернбурга, утверждающаго. что было время, когда и на церковь смотрѣли, какъ на корпорацію Но принципъ авторитета, принятый католическою церковью, превратилъ церковь въ институтъ (Пандекты, I. стр. 163)

[1]) Genossenschaftstheorie und die deutsche Rechtsspechung, S 10 и д 24—26.

учреждается изъ добровольныхъ взносовъ только для этой цѣли созываемымъ собраніемъ жертвователей; послѣднее возможно въ тѣхъ случаяхъ, когда высшая воля извнѣ сплачиваетъ союзъ, а потомъ предоставляетъ его самоопредѣленію вызванной въ немъ общей воли. Позднѣе [1]) Гирке даетъ такое опредѣленіе корпораціи и институту. Корпорація это—союзъ съ возникающею изъ него самого личностью; его душа—единая общая воля, тѣло его—общественный организмъ. Учрежденіе это—союзъ съ личностью, привитой ему извнѣ; его душа—единая учредительная воля; его тѣло—организація, въ силу которой люди непрерывно подчиняются этой волѣ [2]).

Какое положеніе занято имущество въ новыхъ христіанскихъ правообразованіяхъ? Сохранился ли въ нихъ тотъ же субъектъ собственности, что и въ корпораціяхъ? Очевидно нѣтъ. Тамъ собственникомъ имущества была, какъ мы видѣли, корпорація, т. е. совокупность

---

[1]) Gierke, Deutsches Privatrecht, II, S 474

[2]) По опредѣленію *Карловы* (Zeitschrift f Pr u oeff R d Gegenwart, XV, S 414), causa efficiens при возникновеніи корпораціи есть исключительно воля соединяющихся лицъ контролируемая лишь государствомъ, causa efficiens институтной личности не исключительно, а только главнымъ образомъ, principaliter, есть воля учредителя; въ качествѣ же придаточнаго содѣйствующаго фактора является государственная власть, одобреніе которой требуется не только для признанія за институтомъ юридической личности, но и для фактическаго вступленія его въ жизнь

Суворовъ (Объ юридическихъ лицахъ по римскому праву, стр 27—28, 158—159 ср 138—140) полагаетъ между институтомъ и корпораціей слѣдующее различіе «Корпоративная организація обнимаетъ не только администраторовъ, но и всѣхъ или многихъ членовъ, которые различными способами выражаютъ свое участіе въ корпоративной жизни то въ правѣ избранія на должности, то въ контролѣ за дѣятельностью администраторовъ, то въ общемъ голосованіи и рѣшеніи важныхъ корпоративныхъ вопросовъ, между тѣмъ, какъ институтную организацію составляютъ единственно администраторы, должность которыхъ можетъ быть контролируема лишь правительственными инстанціями». Существуетъ различіе между цѣлями корпорацій и институтовъ «Организація института не разсчитана на какіе либо собственные для нея интересы, какъ напримѣръ, городская организація разсчитана на осуществленіе и охрану интересовъ города, организація коллегіи на интересы коллегіи,—а служитъ общественнымъ пользамъ и нуждамъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, причемъ результаты дѣятельности институтной организаціи обращаются въ пользу не членовъ, а разнаго рода нуждающихся, посторонних для этой организаціи» Съ корпоративными цѣлями обыкновенно идутъ рука объ руку интересы отдѣльныхъ членовъ корпораціи, въ томъ числѣ и организаторовъ, между тѣмъ какъ институтныя цѣли суть цѣли альтруистическаго характера

членовъ корпораціи. Оно было общественнымъ добромъ, res communes. Здѣсь, въ церковныхъ правообразованіяхъ, собственникомъ имущества были уже не члены церкви въ ихъ совокупности, не община.—а церковь, которая одновременно есть и божественное спасительное учрежденіе или институтъ и общество вѣрующихъ, учрежденіе, обнимающее собой вѣрующихъ и въ то же время стоящее выше ихъ, обнимающее божественный міропорядокъ [1]).

Община, какъ совокупность вѣрующихъ, входящихъ въ составъ церкви, ни въ какомъ случаѣ не могла быть субъектомъ церковно-имущественныхъ правъ. Это значило бы понять церковь, какъ корпорацію, уничтожить ея институтный характеръ, порвать связь ея съ «Небомъ». мыслить ее внѣ союза со Христомъ, Ея Учредителемъ и Главой, лишенною учрежденной Христомъ іерархіи. Однимъ словомъ это значило бы отнять у нея ея специфическій характеръ, существенно отличающій ее отъ древнеримскихъ корпорацій, и ввести ее въ разрядъ этихъ послѣднихъ. И дѣйствительно во всѣхъ источникахъ канонической права, начиная съ самаго древняго времени, мы не находимъ даже намека на принадлежность церковнаго имущества обществу вѣрующихъ, ихъ совокупности Всегда и повсюду собственникомъ церковнаго имущества является церковь, какъ божественное учрежденіе и въ то же время собраніе вѣрующихъ

Въ доканонической церковной литературѣ мы рѣдко встрѣчаемъ указанія на то, кого церковное сознаніе считало собственникомъ церковнаго имущества. Большею частію въ ней рѣчь идетъ о назначеніи церковнаго имущества. Послѣднее предназначалось именно для слѣдующихъ трехъ цѣлей: 1) для общецерковныхъ

---

[1]) «Церковное имущество, говоритъ Кнехтъ, не могло и не должно было служить выгодамъ отдѣльныхъ лицъ или всей совокупности людей общины, но имѣло назначеніе быть обращену на служеніе Богу Этой цѣли соотвѣтствуетъ не форма корпоративнаго имущества, но форма институтнаго имущества. По этому направленію развивалось очевидно изнутри церкви соотвѣтственное ея природѣ церковно-имущественное право» (Knecht, System des justinianischen Kirchenvermogensrechtes S 16—17)

нуждъ, прежде всего для совершенія евхаристіи, 2) для содержанія лицъ, несшихъ извѣстное служеніе въ церкви, и наконецъ 3) на пособіе бѣднымъ и нуждающимся, на содержаніе вдовъ и сиротъ, странниковъ, на выкупъ плѣнныхъ, рабовъ и узниковъ и т. д. Уже эти цѣли показываютъ, что церковное имущество существенно отличалось отъ имущества корпоративнаго, обслуживавшаго лишь интересы самой корпораціи. Но уже въ древнихъ христіанскихъ памятникахъ мы находимъ и прямыя указанія на принадлежность церковнаго имущества не общинѣ вѣрующихъ, а самой церкви, какъ учрежденію Божію. Въ первомъ посланіи къ Тимоѳею апостолъ вмѣняетъ въ обязанность вѣрующимъ содержать вдовъ, своихъ родственницъ, и не обременять *церковь*, чтобы она могла содержать истинныхъ вдовицъ (5, 15). Въ другомъ мѣстѣ (1 Кор. 9. 13) апостолъ говоритъ, что всѣ служащіе жертвеннику должны брать долю отъ *жертвенника*. Что церковное имущество принадлежитъ именно церкви (ἐκκλησία), чувственно представляемой въ храмѣ, объ этомъ говорятъ далѣе Иринеи [1]). Тертулліанъ [2]), Кипріанъ [3]) и Апостольскія Постановленія [4]). Въ канонахъ помѣстныхъ и вселенскихъ соборовъ и въ правилахъ Апостольскихъ почти исключительно говорится о церкви (ἐκκλησία, ἐκκλησιαστικά). какъ собственникѣ церковнаго имущества; таковы: Ап. пр. 38. 40. 41; 4 Всел. пр. 26; Трулл. пр. 35; Гангр. пр. 7; Ант. пр. 24. 25; Карѳ. пр. 35. 41. 42. 92 Во всѣхъ этихъ мѣстахъ собственникъ церковнаго имущества носитъ названіе ἐκκλησία, т. е. церковь.

Но церковь, какъ институтъ, въ противоположность корпораціи, понятіе не конкретное, а отвлеченное, мало доступное для обыкновеннаго сознанія. Народъ же не любитъ абстракцій. Онъ старается олицетворить ихъ, замѣнить абстракцію какимъ-нибудь конкретнымъ образомъ. Такихъ образовъ, облегчавшихъ понятіе о церкви,—было два. Вмѣсто учрежденія могли мыслить или

---

[1]) Противъ ересей IV, 18, 4
[2]) О крещеніи гл. 30
[3]) Ер 52.
[4]) II, 25, II, 35 и 36

Божество, какъ Учредителя церкви, или храмъ, посвященный Богу, какъ вещественный символъ института; вмѣстѣ съ этимъ и все церковное имущество въ обычномъ сознаніи могло мыслиться какъ собственность Бога или какъ собственность храма. Такой способъ представленія мы нерѣдко встрѣчаемъ въ древнихъ источникахъ и даже въ канонахъ. Но оба эти представленія имѣютъ символическій, описательный характеръ За ними всегда стоитъ понятіе церкви, какъ учрежденія. Храмъ, какъ собственникъ церковнаго имущества, мыслится непремѣнно въ связи съ церковью, какъ учрежденіемъ, и означаетъ отнюдь не самое зданіе, а матеріально воплощенное учрежденіе. Это явствуетъ изъ того, что каноны, упоминая о христіанскихъ храмахъ подъ ихъ собственнымъ именемъ νοί (Трулл. пр. 33 и 38; 7 Всел. пр. 4 и 7), никогда однако не усвояютъ имъ права собственности на церковное имущество, но всегда считаютъ собственникомъ имущества ἐκκλησία, хотя иногда и въ смыслѣ храма.

Равнымъ образомъ, какъ въ доканонической, такъ и въ канонической литературѣ на ряду съ церковью собственникомъ церковнаго имущества представляется Богъ (τὰ τοῦ Θεοῦ или τὰ κυριακά, δεσποτικά (Оригенъ [1]), Кипріанъ [2]), Ап. Пост. II, 25 и др. Ап. пр. 38. 40; Карѳ 41; Двукр. пр. 1). Но выраженіе «имущество Божіе» отнюдь не обозначаетъ особаго, отличнаго отъ церкви, самостоятельнаго собственника церковнаго имущества. Это видно изъ того, что въ одномъ и томъ же канонѣ одно и то же церковное имущество называется то собственностью церкви, то собственностью Божіею (напримѣръ Ап. пр 38 40; Карѳ. 41; Апост. Постан. II, 25). Въ какомъ смыслѣ церковное имущество называется Божіимъ, это прекрасно объясняетъ первое правило Двукратнаго собора [3]). Изъ него видно, что имущество

---

[1]) In Matth. t. XI, c 9.

[2]) Ep. 52

[3]) «Нѣкоторые, давъ своимъ имѣніямъ и усадьбамъ имя монастыря, и обѣщаваясь посвятити оныя Богу, пишутъ себя владѣльцами (κυρίους) пожертвованнаго. Они ухищрено умыслили посвятить Богу единое наименованіе, ибо не стыдятся усвоить себѣ ту же власть и послѣ пожертвованія, какую имъ не возбранялось имѣть прежде... Все къ монастырю

посвящается Богу, но принадлежитъ извѣстному церковному учрежденію и значится потому въ его описи. Мыслится ли Богъ въ подобныхъ случаяхъ идеальнымъ собственникомъ, или этимъ указывается лишь на назначеніе церковнаго имущества для Божьяго дѣла; во всякомъ случаѣ юридическимъ собственникомъ церковнаго имущества всегда является церковь. Выраженіе «имущество Божіе» имѣло цѣлью съ одной стороны подчеркнуть отличіе имущества церкви, какъ учрежденія Божія, отъ имущества корпоративнаго принадлежавшаго извѣстной совокупности людей, отъ имущества, такъ сказать, людского, съ другой стороны пояснить конкретнымъ образомъ абстрактное понятіе учрежденія, мало доступное народному представленію. «Народное міровоззрѣніе, говоритъ Гирке [1]), облегчало себѣ абстрактное понятіе учрежденія тѣмъ, что оно отчасти представляло себѣ церковное имущество связаннымъ съ матеріальными церковными зданіями, какъ его пространственнымъ средоточіемъ, отчасти же... ставило Христа и святыхъ собственниками ихъ» [2]). Но въ

принадлежащее купно съ нимъ самимъ да вносится въ книгу, которая и да хранится въ епископскомъ архивѣ Како можетъ быти попущено кому восхищати обладание тѣмъ, что онъ посвящаетъ и приноситъ Богу?»

[1]) Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht, III, 117

[2]) Нѣкоторые ученые думаютъ, что христіанское представленіе объ имуществѣ Божіемъ было заимствовано у язычниковъ. Но глубокая пропасть, отдѣлявшая христіанское понятіе о Богѣ, какъ о духовномъ и премірномъ существѣ, отъ языческаго представленія о богахъ, неотдѣлимыхъ отъ ихъ изображеній, дѣлаетъ малоправдоподобнымъ такое предположеніе. Съ другой стороны необыкновенная живучесть христіанскаго представленія объ имуществѣ Божіемъ, о жертвѣ Богу, о дарѣ Богу и т д, представленія, свойственнаго даже интеллигентнымъ людямъ нашего вѣка, ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что это представленіе имѣетъ свой источникъ не въ языческихъ вѣрованіяхъ, а въ неотразимой потребности человѣческаго духа отдавать Богу въ услуженіе свою душу, свое тѣло, свое имущество

Несправедливо также нѣкоторые ученые, напримѣръ, Poschinger (Das Eigentum am Kirchenvermogen S 68 и д), утверждаютъ, что христіанскія церкви были признаны самостоятельными субъектами права по образцу языческихъ храмовъ Слишкомъ велико различіе между языческимъ и христіанскимъ храмомъ Христіанскій храмъ есть мѣсто собранія физическихъ лицъ для цѣлей спасенія и потому легко могъ служить матерьяльнымъ воплощеніемъ церкви, какъ спасительнаго института, и мыслиться собственникомъ имущества. Языческій же храмъ былъ не мѣстомъ собранія, а жилищемъ божества, неотдѣлимаго отъ его изображенія; центръ тяжести религіозной жизни язычника, какъ извѣстно, лежалъ въ домашнемъ богослуженіи отдѣльныхъ лицъ. Слѣдовательно къ языческому храму непримѣ-

высшей степени замѣчательно то, что конкретизируя абстрактное понятіе учрежденія (церкви) христіане никогда не прибѣгали къ понятію корпораціи, столь распространенному въ языческомъ римскомъ правѣ.

Кромѣ церкви въ канонахъ церковно-имущественныя права усвояются монастырямъ (4 Вс. пр. 24; Трулл пр. 49; Двукр. пр. 1 и 6) и епископіямъ (ἐπισκοπεῖα—7 Вс пр. 12. 13; Двукр. пр 7), подъ которыми слѣдуетъ разумѣть отнюдь не церковную общину съ епископомъ во главѣ [1]), а епископскій домъ (съ каѳедральной церковью?), какъ видно изъ 18 пр. 7 Вс. собора, запрещавшаго пребываніе женщинъ въ епископіяхъ и монастыряхъ, и изъ 13 пр. того же собора, сообщающаго, что нѣкоторые храмы, епископіи и монастыри расхищены и превращены въ обыкновенныя жилища. Но мы напрасно стали бы искать намековъ на то, что церковное имущество принадлежитъ самому обществу христіанъ, какъ корпораціи, какъ простой совокупности членовъ. Древневосточной церкви было чуждо самое понятіе такого рода общины христіанской, понимаемой не какъ учрежденіе, а какъ корпорація. Она не имѣла и соотвѣтствующаго этому понятію термина Подобное понятіе возникло лишь на почвѣ реформаціи, какъ увидимъ ниже.

Правда мы находимъ въ канонахъ термины, соотвѣтствующіе нашимъ понятіямъ прихода и епархіи. Таковы παροικία и ἐπαρχία. Но эти термины обозначали не церковныя общины, а церковные округа или области большаго или меньшаго объема. Какъ слово ἐπαρχία

нимо было ни понятіе института, ни понятіе собственника И если то и другое усвояютъ ему, то въ этомъ случаѣ переносятъ на него понятія, которыя впервые даны христіанскими воззрѣніями (ср Knecht, System des justinianischen Kirchenvermogenrechtes S 26). Справедливо говоритъ Гирке: «понятіе персонифицированнаго института и самостоятельнаго учрежденія римскому праву языческаго времени остается совершенно чуждымъ, чуждымъ даже въ зародышѣ Когда христіанство развивало такого рода понятія, то эти самыя выросли не изъ языческихъ представленій о божественномъ имуществѣ и имуществѣ государственномъ, предназначенномъ для религіозныхъ цѣлей, а какъ результатъ пониманія церкви христіанской въ смыслѣ спасительнаго института или божественнаго учрежденія (Das d Genossenschaftsrecht, III. S 65—66)

[1]) Какъ думаетъ іеромонахъ Михаилъ (Законодательство римско-византійскихъ императоровъ о правахъ церкви, стр. 37)

означало не какую-нибо христіанскую общину, а церковный округъ (въ 13 пр. Антіох. собора ἐπαρχία замѣняется словомъ χώρα—страна), подчиненный власти митрополита (Ант. 14. 15. 17. 18 19. 20; Карѳ. 84. 87. 111 и др.) и соотвѣтствующій нашей митрополіи,—точно такъ же и παροικία есть опредѣленная церковная территорія, въ предѣлахъ которой находится церковь, или епископская или приходская, и соотвѣтствуетъ то нашей епархіи (Ант. пр. 9 «каждый епископъ имѣетъ власть въ своей παροικία и да имѣетъ попеченіе о всей странѣ, состоящей въ зависимости отъ его города»), то нашему приходу (4 Всел. пр. 17 и Трул. пр 15: сельскіе и подгородные приходы (ἀγροικικὰς παροικίας ἢ ἐνχωρίους) должны оставаться подъ властью правящихъ ими епископовъ). 67 пр. Карѳагенскаго собора говоритъ объ опредѣленномъ составѣ приходовъ (συγκτησία τῶν παροικιῶν), находящихся подъ властью епископа. Здѣсь терминъ приходы замѣняется терминомъ округа (διοικησις) [1]).

Что для насъ въ данномъ случаѣ важно. ни епархіямъ, ни парикіямъ никогда не усвояется церковно-имущественныхъ правъ. И это понятно. Территорія не можетъ быть собственницей; а заселяющіе ее христіане, какъ субъектъ церковно-имущественныхъ правъ въ смыслѣ коллегіи, съ точки зрѣнія грековосточнаго церковно-имущественнаго права немыслимы.

Прямымъ слѣдствіемъ усвоенія церковнаго имущества церкви, а не общинѣ вѣрующихъ, было то. что управленіе имъ всегда было дѣломъ главнымъ образомъ носителей церковныхъ служеній, особенно епископа, а не самой общины. Совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу Зомъ. «Взглядъ, говоритъ онъ, что община—собственница церковнаго имущества, неизвѣстенъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Въ управленіи имуществомъ не имѣлъ мѣста общинный принципъ въ позднѣйшемъ смыслѣ слова, но принципъ авторитативный: управленіе не въ силу полномочій общины, но

---

[1]) Употребленіе термина παροικία въ примѣненіи къ территоріи епископской церкви объясняется тѣмъ, что прежде она ограничивалась однимъ городомъ и имѣла въ себѣ одну церковь.

въ силу полномочій, данныхъ свыше, отъ Бога, чрезъ харизму» [1]).

На основаніи чисто апріорныхъ соображеній можно было ожидать встрѣтить въ христіанской церкви первыхъ вѣковъ широкое участіе общины въ распоряженіи церковнымъ имуществомъ. Эти ожиданія однако не оправдываются Тщательный анализъ древнихъ церковныхъ источниковъ убѣждаетъ въ томъ, что управленіе церковнымъ имуществомъ изначала было дѣломъ преимущественно церковной іерархіи. Вотъ всѣ древнѣйшія свидѣтельства.

Въ іерусалимской церкви приношеніями вѣрующихъ распоряжались сначала сами апостолы (Дѣян. 6. 2), затѣмъ избранные церковью семь мужей, рукоположенные апостолами (Дѣян 6, 1—6). По уходѣ изъ Іерусалима іудеевъ—еллинистовъ и семи мужей, пожертвованія, собранныя внѣпалестинскими церквами въ пользу іерусалимскихъ вѣрующихъ, были переданы апостоломъ Павломъ и Варнавой пресвитерамъ (Дѣян. 11, 30), а не вѣрующимъ. По мнѣнію очень многихъ ученыхъ, высказанному еще Іоанномъ Златоустомъ, ап. Павелъ въ началѣ посланія къ Филиппійцамъ привѣтствуетъ епископовъ и діаконовъ, побуждаемый къ тому благодарностью за дары, полученные чрезъ нихъ отъ филиппійцевъ. Едва ли не всѣ ученые въ Петр. 5, 3; 1 Тим. 3, 8; Тит. 1, 7. гдѣ пресвитеры и епископы предостерегаются отъ корыстолюбія, видятъ указанія на то, что епископы имѣли близкое отношеніе къ церковному имуществу. Какъ οἰκονόμος Θεοῦ (Тит. 1, 7), епископъ долженъ управлять домомъ Божіимъ, т. е. церковью; отсюда въ епископы слѣдуетъ ставить человѣка, умѣющаго въ послушаніи содержать своихъ дѣтей и управлять собственнымъ домомъ (Тим. 3, 5). Игнатій Антіохійскій говоритъ, что епископъ есть тотъ, который посланъ Домовладыкою Господомъ для управленія Домомъ Его (εἰς ἰδίαν οἰκονομίαν—Ефес. 6): на немъ лежитъ между другими обязанностями обязанность имѣть попеченіе о вдовахъ, наблюдать за выку-

[1]) Kirchenrecht. S. 77

помъ рабовъ и рабынь на церковный счетъ (къ Полик. 4). Поликарпъ Смирнскій въ посланіи къ Филиппійцамъ вмѣняетъ въ обязанность пресвитерамъ заботиться о вдовахъ, сиротахъ и бѣдныхъ и не быть сребролюбивыми (6 гл.), осуждаетъ пресвитера Валента, впавшаго въ грѣхъ любостяжанія (11 гл.). По книгѣ «Пастырь» Ерма, написанной около 140 года, епископамъ и діаконамъ ставится въ недостатокъ главнымъ образомъ ихъ безучастное отношеніе къ вдовамъ, сиротамъ и бѣднымъ (Под. IX, 26—27), расхищеніе благъ вдовъ и сиротъ, обогащеніе въ ихъ счетъ (Под. IX, 26, 27). Іустинъ во второй половинѣ II вѣка въ своей первой апологіи говоритъ: «достаточные же и желающіе, каждый по своему произволенію, даютъ, что хотятъ, и собранное хранится у предстоятеля (παρὰ τῷ προεστῶτι); а онъ имѣетъ попеченіе о сиротахъ и вдовахъ, о всѣхъ нуждающихся по болѣзни или по другой причинѣ, о находящихся въ узахъ, о странникахъ издалека, вообще печется о всѣхъ, находящихся въ нуждахъ» (гл. 67) Эти слова Іустина дѣлаютъ ясными всѣ намеки и темныя выраженія древнихъ источниковъ, изъ которыхъ мы нѣкоторые привели. Клементины, памятникъ конца II вѣка, рекомендуютъ вѣрующимъ не только слушать епископа, но и почитать его всяческими приношеніями, которыя подъ видомъ епископа приносятся ко Христу, а отъ Христа Богу (Hom. III, 70). По Церковнымъ Канонамъ, памятнику конца II вѣка, епископъ служитъ въ алтарѣ и раздаетъ дары вѣрующимъ (2 гл.); онъ долженъ быть нищелюбивымъ (гл 2) Что касается пресвитеровъ, то одни изъ нихъ, стоящіе по правую руку епископа, при богослуженіи помогаютъ епископу раздѣлять должнымъ образомъ дары для вѣрующихъ и самого епископа; другіе пресвитеры, стоящіе по лѣвую руку епископа, слѣдятъ за благочиніемъ во время богослуженія (гл. 2). Діаконы заботятся объ обезпеченіи бѣдныхъ и нуждающихся на счетъ церковной кассы (ἐκ τῆς λογίας—гл 6). Въ Сирійской Дидаскаліи, составленной около средины III в, мы читаемъ: «что тогда были начатки, десятины, части и дары, то теперь приношенія, которыя приносятся

Богу, Господу чрезъ епископовъ... Ваши жертвенные дары вы должны приносить епископу, какъ первосвященнику, или лично, или чрезъ діакона; и если онъ приметъ, то раздѣлитъ справедливо, ибо епископъ хорошо знаетъ нуждающихся (гл. IX ср. Апост. Пост. II, 25. 27)... Поступай такъ и исполняй заповѣдь (о милостынѣ) чрезъ епископа и пресвитеровъ, твоихъ посредниковъ предъ Богомъ и Господомъ. Ибо тебѣ прилично давать, а тому распоряжаться» (гл. IX, ср. Ап. Пост II, 35). По канонамъ управленіе церковнымъ имуществомъ ввѣряется епископу (Ап. пр. 38. 41., Анг. 24 25 и др.).

Тотъ фактъ, что церковнымъ имуществомъ изначала распоряжались предстоятели церкви, на первый взглядъ мало гармонирующій съ широкою самодѣятельностью древнѣйшихъ христіанскихъ общинъ, послѣ болѣе обстоятельнаго знакомства съ дѣломъ оказывается совершенно естественнымъ. Дѣло въ томъ, что древніе христіане смотрѣли на распоряженіе церковнымъ имуществомъ, какъ на богослужебное дѣло, какъ на своего рода благовѣстіе Христово. Приношенія вѣрующихъ прежде всего употреблялись для евхаристіи и вечери любви, заповѣданной Божественнымъ Основателемъ церкви. Первохристіане, принося апостоламъ свое имущество, какъ бы опускали его въ ту суму, которая питала Господа и Его учениковъ. Кто утаивалъ изъ своего имущества, отдавая его апостоламъ, тотъ лгалъ Духу Святому (Дѣян. 5, 4. 9). Кто неблагопристойно велъ себя на вечери любви, тотъ забывалъ о томъ, что сказалъ Господь въ ночь, когда преданъ былъ (1 Кор. 11, 20—33). Общая трапеза, соединенная съ преломленіемъ хлѣба, была для первыхъ христіанъ въ буквальномъ смыслѣ слова богослуженіемъ (Дѣян. 2, 46). Приношенія вѣрующихъ въ глазахъ ихъ соотвѣтствовали ветхозавѣтнымъ жертвамъ. Это были христіанскія жертвы (Евр. 13, 16; Фил. 4, 18). Вдовы, содержимыя на приношенія вѣрующихъ, были жертвенникомъ Божіимъ (Поликарпъ къ Фил., 4). Сборы въ пользу іерусалимскихъ бѣдныхъ производились по распоряженію апостола Павла въ воскресенье, въ день торжественнаго

совершенія евхаристіи (1 Кор. 16. 2). Апостолъ Павелъ о вспомоществованіи святымъ (іерусалимскимъ) писалъ: «дѣло служенія сего (ἡ διακονία τῆς λειτουργίας ταύτης—буквально служеніе этой литургіи) не только восполняетъ бѣдность святыхъ, но и производитъ во многихъ обильныя благодаренія (εὐχαριστῶν) Богу, ибо, видя опытъ сего служенія, они прославляютъ Бога за покорность исповѣдываемому Вами евангелію Христову и за искреннее общеніе съ нами и со всѣми, молясь за Васъ по расположенію къ Вамъ, за преизбыточествующую въ Васъ благодать Божію. Благодареніе Богу за неизреченный даръ Его» (2 Кор. 9, 12—15). Для сбора пожертвованій въ пользу іерусалимскихъ христіанъ избирается церквами «восхваляемый во всѣхъ церквахъ за благовѣствованіе» (2 Кор. 8, 18—19). Такимъ образомъ помощь изъ приношеній вѣрующихъ есть какъ бы продолженіе богослуженія и вмѣстѣ съ тѣмъ практическое благовѣствованіе, дѣятельное проповѣданіе евангелія. Дары вѣрующихъ есть участіе въ благовѣствованіи (Фил. 1, 5). «Нигдѣ такъ грубо не обнаруживается безсиліе нашего времени понять ту святую религіозную атмосферу, въ какой жили первохристіане и древніе христіане, какъ въ перенесеніи въ ихъ исторію нашихъ понятій объ имуществѣ и финансовомъ управленіи» [1]). Вотъ почему распоряженіе церковнымъ имуществомъ съ самаго начала было ввѣрено предстоятелямъ церкви, сначала апостоламъ, потомъ исполненнымъ вѣры и духа» семи мужамъ послѣ особаго апостольскаго рукоположенія и, наконецъ, епископамъ съ клиромъ.

Если мы еще пристальнѣе всмотримся во всѣ приведенные факты, то мы увидимъ позади ихъ ту идею, что приношенія вѣрующихъ не есть имущество корпораціи или общины, не ея собственность: они принадлежатъ дѣлу Христову, Церкви, основанной Господомъ для спасенія человѣчества; и что раздаяніе этихъ приношеній есть служеніе благовѣстію Христа, однимъ

---

[1]) В Мышцынъ Устройство христіанской церкви въ первые два вѣка, стр. 36.

словомъ что церковное имущество принадлежитъ не общинѣ христіанъ, какъ корпораціи, а Церкви Христовой, Учрежденію Христову.

Итакъ внутреннее церковное право создало само по себѣ новый родъ юридическихъ лицъ, какихъ не знало римское право, именно институты.

Какъ же отнеслось римское право къ этимъ новымъ правообразованіямъ внутри христіанской церкви?

Сначала оно не сумѣло понять ихъ своеобразной юридической природы и механически втиснуло ихъ въ рамки установленныхъ юридическихъ понятій «Когда вновь созданные христіанствомъ установленія, говоритъ Гирке, вошли во внѣшній правовой міръ, для нихъ необходимо было приготовить мѣсто. Однако это произошло почти исключительно путемъ механическаго включенія ихъ въ систему старыхъ идей. Творческая сила новаго идейнаго строительства отошла отъ дряхлѣющаго правового генія античнаго міра» [1]).

Для римскихъ юристовъ особенно непонятна была та черта христіанской церкви, которая характеризуетъ ее какъ Божественный институтъ. Въ то время, какъ по римскимъ правовымъ воззрѣніямъ всякія религіозныя общества (коллегіи) «существовали только въ государствѣ, чрезъ государство и для государства», какъ и самое jus sacrum было частью juris publici, христіанская церковь напротивъ неизмѣнно исходила изъ того воззрѣнія, что потребная для достиженія ея цѣлей сфера полномочій дана ей ея Божественнымъ Основателемъ въ качествѣ собственнаго, самостоятельнаго права. Свой законъ, свои устои, свои цѣли, свою организацію она брала не отъ государства и не отъ коллективной воли общины, а отъ своего Божественнаго Основателя [2]). Вотъ что было совершенно непонятно для язычника римлянина и для римскаго юриста. Естественно поэтому, что они просмотрѣли эту особенность христіанской церкви и причислили ее къ категоріи корпорацій.

---

[1]) Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht, III, S. 107. Ср. Knecht, System des Justinianischen Kirchenvermogensrechtes S. 7.

[2]) Ср. Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht III, S. 111.

Такъ, напримѣръ, Плиній въ письмѣ къ Траяну [1]) подводитъ христіанскія общины подъ категорію гетерій (haeteriae), т. е. столовыхъ обществъ. Лукіанъ называетъ христіанскую общину — θίασος [2]), а Цельсъ — θιασῶται [3]). Лициній въ эдиктѣ 310 года разсматриваетъ церковь какъ коллегію [4]). И нѣкоторые христіанскіе писатели намѣренно поддерживали этотъ взглядъ, чтобы дать возможность христіанамъ безопаснаго существованія. Такъ еще Тертулліанъ старается представить христіанскія общины въ видѣ дозволенныхъ коллегій (collegia licita), причемъ употребляетъ въ описаніи христіанскихъ собраній тѣ самые термины (stips menstrua) [5]), которые находились въ правительственныхъ указахъ о коллегіяхъ и дошли до насъ въ текстѣ Марціана [6]). Какъ на корпораціи смотрѣли на христіанскія церкви и первые христіанскіе императоры Константинъ Великій въ эдиктѣ 313 года пишетъ: «все это немедленно должно быть передано корпораціи христіанъ» (corpori christianorum) [7]) Во второмъ реституціонномъ законѣ Константинъ говоритъ, что бывшее имущество христіанъ должно быть возвращено ad jus corporis eorum — по праву ихъ корпораціи. Въ третьемъ реституціонномъ эдиктѣ 324 года [8]) Константинъ перестаетъ называть corpus christianorum, но говоритъ о каѳолической церкви и о церквахъ (ecclesiae), какъ собственникахъ имущества. Трудно сказать, употребилъ ли Константинъ этотъ терминъ сознательно. Во всякомъ случаѣ онъ употребилъ правильный терминъ въ качествѣ собственника церковнаго имущества. Если сопоставить два закона Константина, изъ которыхъ одинъ [9]) предписываетъ имущество мученика, умершаго безъ наслѣдника, передавать церкви того мѣста, гдѣ онъ жилъ

---

[1]) Epist 97 по общему счету
[2]) De morte peregrin 11
[3]) Orig c Celsum III, 23
[4]) Lactant. De mort persec c 44
[5]) Apologeticus, c 38
[6]) Dig 47, 22, 1
[7]) Hahenel, Corpus legum 1, 188.
[8]) Evsebii, Vita Constant. 2 c 39
[9]) Vita Constant II, 36—37.

(ecclesiam cujus que loci), а второй [1]) говоритъ объ иммунитетѣ церкви, то можно придти къ выводу, что Константинъ, говоря о собственности церкви, разумѣетъ подъ послѣдней церковь, какъ учрежденіе, представляемое храмомъ. Уже императоръ Зенонъ призналъ дѣйствительными дарения «лицу какого-либо мученика, апостола, пророка или святыхъ ангеловъ», предписывая передавать эти дары въ собственность священнаго дома (εὐκτήριος οἶκος) имени святого [2]). Здѣсь уже нѣтъ намека на имущество корпораціи. Собственникомъ имущества, пожертвованнаго святымъ, является священный домъ, учрежденіе. Однако и послѣ Зенона не исчезъ еще прежній взглядъ на церковь, какъ на корпорацію. Даже Юстиніанъ не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ окаменѣлыхъ формъ римскаго языческаго права. Ни онъ, ни его сотрудники по кодификаціи не уяснили со всею точностью лежащихъ въ основѣ новыхъ церковныхъ правообразованій принциповъ и не сумѣли фиксировать ихъ вполнѣ ясно и послѣдовательно. Мы встрѣчаемъ въ его кодексѣ старые корпоративные термины corpus, collegium, conventiculum, примѣняемые къ христіанской церкви. Тѣмъ не менѣе у Юстиніана еще яснѣе, чѣмъ у его предшественниковъ, подмѣченъ институтный характеръ церкви и различныхъ церковныхъ учрежденій. Это особенно ясно сказалось въ слѣдующихъ словахъ его [3]). Такъ какъ, говоритъ Юстиніанъ, во многихъ завѣщаніяхъ наслѣдникомъ назначается Господь Іисусъ Христосъ, безъ упоминанія при этомъ о какомъ либо священномъ домѣ (εὐκτήριον οἶκον), и отсюда возникли многія недоразумѣнія, то мы опредѣляемъ считать наслѣдницей святую церковь (ἁγιωτάτη ἐκκλησία) того города, селенія или деревни, въ которыхъ проживалъ умершій. Если наслѣдникомъ назначается одинъ изъ архангеловъ или мучениковъ, безъ упоминанія о священномъ домѣ, то должно поступать такъ: если въ томъ городѣ или округѣ его существуетъ священный

---

[1]) 1 Cod Theodos. 1, XI
[2]) L. 15 Cod I, 2
[3]) L. 25 C. 1, 2

домъ (εὐκτήριος οἶκος), во имя упомянутаго въ завѣщаніи архангела или мученика, то этотъ домъ считать наслѣдникомъ или легаторомъ; если же такого нѣтъ ни въ городѣ, ни въ округѣ, его слѣдуетъ передавать такому же дому въ митрополіи, если такого нѣтъ въ цѣлой митрополіи, то предоставлять наслѣдство или легатъ мѣстной церкви; если завѣщатель не назвалъ опредѣленнаго мѣста, а въ городѣ или округѣ нѣсколько священныхъ домовъ, то передавать тому дому, который особенно любилъ умершій» и т. д. Подобныя же указанія даны были Юстиніаномъ относительно завѣщаній въ пользу бѣдныхъ и плѣнныхъ. Если наслѣдниками назначены вообще бѣдные, безъ обозначенія опредѣленной πτωχεῖα (богадѣльни) или опредѣленнаго странноприимнаго дома, то наслѣдство получаетъ мѣстное богоугодное заведеніе того города, въ которомъ жилъ завѣщатель; если въ городѣ нѣсколько богоугодныхъ заведеній, то наслѣдство получаетъ бѣднѣйшее изъ нихъ. Если въ городѣ нѣтъ ни одного богоугоднаго заведенія, то съ наслѣдствомъ въ пользу бѣдныхъ слѣдуетъ поступать такъ же, какъ съ наслѣдствомъ въ пользу плѣнныхъ, именно епископъ и экономъ епископской церкви того города, гдѣ жилъ умершій завѣщатель, получаютъ наслѣдство въ качествѣ фидуціаровъ, обязанныхъ раздать или употребить его въ пользу бѣдныхъ или плѣнныхъ [1]). Вполнѣ ясно, что Юстиніанъ не считалъ Іисуса Христа, мучениковъ и архангеловъ собственниками церковнаго имущества Всѣ эти лица именуются наслѣдниками въ духовныхъ завѣщаніяхъ. Законодатель же наслѣдницей завѣщаннаго подъ этимъ титуломъ имущества считаетъ церковь [2]). Повсюду субъектомъ церковной собственности признается церковь имени того святого, которому завѣщано имущество, т. е. церковь, какъ учрежденіе, представляемое храмомъ, а также благотворительныя заведенія, представляемыя домомъ для бѣдныхъ, странниковъ и т. д., но отнюдь не община или корпорація вѣрующихъ.

---

[1]) L. 48 (49) C. I, 3

[2]) Ср. Knecht, System des Justinianischen Kirchenvermogensrechtes, S. 19

Если мы разсмотримъ всѣ субъекты церковной собственности въ частности, то увидимъ что несмотря на неопредѣленность и нѣкоторыя неточности терминологіи Юстиніанова права, всѣ они очевидно институтнаго характера. Первыми по времени возникновенія субъектами церковно-имущественнаго права были, какъ извѣстно, епископскія или каѳедральныя церкви—sacro-sanctae ecclesiae. Еще по закону Гонорія *епископскія* церкви (ecclesiae urbium) получили привилегію иммунитета [1]) По закону Юстиніана наслѣдство, завѣщанное на выкупъ плѣнныхъ или въ пользу бѣдныхъ, при отсутствіи соотвѣтствующаго учрежденія передается экономy епископской церкви [2]). По 131 новеллѣ завѣщанное одному изъ святыхъ, если во всей епископіи нѣтъ храма этого святого, стѣдуетъ отдать епископской церкви того города, гдѣ жилъ завѣщатель.

Съ обособленіемъ приходскихъ церквей отъ епископской получили право собственности на имущество ecclesiae agri, ruris, vici, oratoria. Уже въ выше упомянутомъ законѣ Зенона, изданнаго въ 454 году, мѣстныя церкви во имя мученика, ангела и пророка являются юридическими лицами. Юстиніанъ не только закрѣпилъ за приходскими церквами права юридическаго лица, но стремился сдѣлать приходскія церкви по преимуществу субъектами церковной собственности съ цѣлью децентрализаціи церковныхъ имуществъ. По вышеприведенному закону Юстиніана [3]), если наслѣдникомъ имущества назначается Іисусъ Христосъ, то завѣщанное должно передавать церкви (ἐκκλησία) того города, или *села*, или *деревни*, гдѣ жилъ умершій завѣщатель. Завѣщанное на имя архангела или мученика при отсутствіи храма этого святого, наслѣдуется мѣстной, а не епископской церковью (ἐκκλησία). Что не самыя матерьяльныя церкви, не самыя зданія считаются въ данномъ случаѣ юридическими лицами, это понятно само собой. Вещественныя зданія являются объектами имуществен-

---

[1]) 40 Cod. Theodos. XVI, 11, 412.
[2]) 48 (49) Cod. I, 3.
[3]) L. 25 (26) C. I, 2.

наго права. Субъектъ же права есть учрежденіе, назначенное для осуществленія религіозныхъ и благочестивыхъ цѣлей

Третій разрядъ собственниковъ церковнаго имущества по Юстиніанову праву составляютъ благотворительныя учрежденія: орфанотрофіи, ксенодохіи и т. д. Первое ясное указаніе на имущественную правоспособность этихъ учрежденій, обособившихся въ имущественномъ отношеніи отъ церкви, мы находимъ въ законѣ императора Зенона, который сказанное относительно мѣстныхъ приходскихъ церквей распространяетъ на ксенодохіи, птохіи и т. д., предоставляя имъ такимъ образомъ права юридическаго лица Юстиніанъ въ L. 48 (49) C I, 3 завѣщанное въ пользу бѣдныхъ предоставляетъ въ собственность благотворительныхъ заведеній города, въ которомъ жилъ завѣщатель Правда для обозначенія христіанскихъ благотворительныхъ заведеній Юстиніанъ употреблялъ обычную терминологію, называя ихъ collegium [1]), corpus [2]), consortium [3]). Но слишкомъ ясно, что эти термины употреблены лишь «по отсутствію новаго имени для новаго факта» [4]), такъ какъ никто не назоветъ бѣдныхъ въ благотворительномъ учрежденіи собственниками его имущества. Въ самыхъ Юстиніановыхъ законахъ они называются также domus и loca venerabilia. Эта терминологія вполнѣ правильно выражаетъ институтный характеръ благотворительныхъ заведеній.

Четвертымъ и послѣднимъ субъектомъ церковнаго имущества по Юстиніанову праву были монастыри. И эти христіанскіе институты носятъ у Юстиніана старыя названія corpus, consortium. При раздѣленіи одного монастыря на два—мужской и женскій, Юстиніанъ предписалъ дѣлить имущество между монастыряи пропорціонально количеству монаховъ и монахинь. Но и церковный взглядъ на монастырь, какъ на учреж-

---

[1]) L. 55 (57), C I, 3
[2]) Nov 7, c. 1, 2.
[3]) L. 22, C I, 2.
[4]) Михаилъ, Законодательство римско-византійскихъ императоровъ о правахъ церкви, стр. 47.

деніе, связанное извѣстнымъ уставомъ и подчиненное начальнику, которому всѣ монахи, отрекшіеся отъ личной воли, обязаны послушаніемъ (Трулл. с. пр. 41).— нашелъ себѣ выраженіе въ Юстиніановомъ законодательствѣ. Онъ называетъ монастырь sacrum и sacrosanctum collegium, соотвѣтственно sacrosancta ecclesia, смотря очевидно на монастырь, какъ на учрежденіе, представляемое монастырскимъ зданіемъ, и говоритъ о посвященіи монастыря [1]).

Итакъ подъ вліяніемъ христіанства, точнѣе подъ вліяніемъ самобытно развившагося церковнаго права, римское право было вынуждено на ряду съ понятіемъ корпоративнаго имущества принять въ себя новое понятіе имущества церковнаго института [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ произошло раздвоеніе юридическихъ лицъ на корпораціи и институты, правда сначала не вполнѣ ясное. Что второй разрядъ юридическихъ лицъ—учрежденія обязанъ своимъ происхожденіемъ вліянію христіанства, вліянію внутренняго самобытнаго церковнаго права, это мнѣніе въ настоящее время можно считать общепризнаннымъ. Ельяшевичъ въ своемъ изслѣдованіи о юридическомъ лицѣ въ римскомъ правѣ приходитъ къ слѣдующему выводу. «Кромѣ изученныхъ выше явленій (т. е. муниципій, союзовъ и товариществъ), обнимаемыхъ у Юстиніана общимъ именемъ universitates, римское право не знало юридическихъ лицъ. Государство сюда не должно быть отнесено, такъ какъ обладателемъ фискальнаго имущества являлось для римлянъ не государство, а принцепсъ. Тѣхъ самостоятельныхъ имуществъ, которыя заняли подъ именемъ учрежденій столь прочную позицію въ современной правовой жизни, мы въ Римѣ не находимъ. Тѣмъ не менѣе явленія этого порядка не вполнѣ чужды римскому праву. Правда, они остаются здѣсь въ зачаточномъ состояніи... Явленія, о которыхъ идетъ рѣчь, всѣ состоятъ въ той или другой связи съ церковью, всѣ принадлежатъ къ христіанскому періоду римской исторіи...

---

[1]) Nov 76
[2]) Knecht, System des Justinianischen Kirchenvermogensrechtes, S. 17.

Церковь ecclesia вотъ новый субъектъ, выступавшій теперь... Это не церковь in abstracto, а данная конкретная церковь, воплощающаяся въ храмѣ, divina pia, venerabilis domus .. Какъ ни понизился уровень юридическаго мышленія, но и для юстиніановыхъ юристовъ различіе между церквами, этими venerabilis domus, и какими нибудь погребальными союзами и муниципіями было ясно... Рядомъ съ церквами и монастырями, совершенно уравненными съ ними, наши источники называютъ и рядъ другихъ учрежденій, госпитали. пріюты, странноприимные дома... И здѣсь передъ нами самостоятельные субъекты права, подобныхъ которымъ классическая юрисдикція не знала... Что римское право дохристіанской эпохи не дошло до сознанія учрежденій въ настоящемъ смыслѣ этого слова, это въ качествѣ общаго положенія можетъ считаться безспорнымъ» [1]).

Послѣ сказаннаго нами можно видѣть, насколько неосновательна аргументація защитниковъ приходскаго проекта, покоющаяся на общемъ понятіи о церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно несправедливымъ оказывается и мнѣніе, высказанное въ докладѣ одного члена Предсоборнаго Присутствія [2]), будто институтный характеръ церковное имущество получило подъ вліяніемъ чуждыхъ христіанству началъ римскаго публичнаго и сакральнаго права. Соглашаясь съ тѣмъ, что христіанская церковь есть въ одно и то же время учрежденіе и общество, авторъ доклада говоритъ однако слѣдующее. Въ первые вѣка «общественный элементъ въ церкви выступалъ повидимому даже на первый планъ. Для посторонняго взгляда Церковь представлялась какъ собраніе корпорацій, преслѣдующихъ свои особыя цѣли.

---

[1]) В. Ельяшевичъ Юридическое лицо, его происхожденіе и функціи въ римскомъ частномъ правѣ. 1910 Стр. 430—444 Такой взглядъ высказываютъ и выдающіеся романисты, напримѣръ:

Pernice, Labeo, III, S 56 и д.

Brinz, Lehrbuch der Pandecten. III, 2 Aufl. S 548—549

Gierke, Genossenschaftsrecht, III, S 107.

Windscheid, Lehrbuch des Pandectenrechts. I B 8 Aufl. S. 223.

Sohm, Institutionen des romischen Rechts. 6 Aufl S 101—107 и др. авторы

[2]) Н. Кузнецова. См. Протоколы Предсоб. Присутствія, IV, 129—132.

Смотрѣть на нее преимущественно съ этой точки зрѣнія могло быть достаточно и потому, что въ христіанахъ первыхъ вѣковъ было много духовной жизни и плодовъ вселенія Бога въ ихъ душѣ... Съ точки зрѣнія корпораціи разсматривало церковь и само римское государство... Такимъ образомъ церковь въ эпоху признанія ея римскимъ государствомъ и надѣленія ея имущественными правами выступала прежде всего, какъ общество. Съ теченіемъ времени церковь въ грекоримскомъ государствѣ изъ частной корпораціи превратилась въ корпорацію съ все болѣе и болѣе обширными публичными правами. Границы между церковнымъ и государственнымъ стали все болѣе и болѣе сглаживаться, а затѣмъ во многомъ начало происходить уже и полное смѣшеніе сферъ церковнаго и государственнаго (далѣе рѣчь объ усиленіи епископскаго авторитета). Все это несло въ себѣ возможность оттѣсненія въ церкви на задній планъ элемента общественнаго и излишняго выдвиганія въ ней начала институтнаго». Сказавъ о томъ, что императоры византійскіе способствовали перенесенію центра тяжести съ «элемента корпоративнаго», съ его невидимымъ духовнымъ содержаніемъ», «на начало институтное, какъ болѣе внѣшнее», и упомянувъ о законахъ Юстиніана касательно церковнаго имущества, авторъ говоритъ: «въ этомъ перенесеніи правъ на завѣщанное имущество именно на церковь нельзя не усматривать и вліянія на грекоримское законодательство языческаго jus sacrum, что необходимо отмѣтить въ виду усиленныхъ стремленій многихъ основываться въ вопросахъ преобразованій въ Русской церкви на византійскихъ порядкахъ и взглядахъ».

Такимъ образомъ предостерегая отъ слѣдованія византійскимъ порядкамъ, признававшимъ субъектами церковной собственности церкви, а не общины и корпораціи, докладчикъ указываетъ на то, что эти порядки имѣютъ главнымъ образомъ двѣ причины: во-первыхъ, воздѣйствіе государственной власти на церковную жизнь, а во-вторыхъ, вліяніе языческаго римскаго права въ той его части, которая составляетъ jus sacrum. По мнѣнію докладчика преобладаніе корпоративнаго мо-

мента въ церковномъ имуществѣ, даже признаніе церковной общины субъектомъ церковно-имущественныхъ правъ болѣе отвѣчаетъ природѣ христіанской церкви, напротивъ признаніе церкви, какъ учрежденія, собственникомъ церковнаго имущества скорѣе—языческаго и государственнаго происхожденія [1]). Мы видѣли, какъ расходится авторъ съ исторіей, и какъ далекъ онъ отъ истины. Исторія весьма убѣдительно говоритъ о томъ, что корпоративность имущества, принадлежащаго юридическимъ лицамъ, есть характерная особенность римскаго права языческаго времени. Напротивъ институтный характеръ церковнаго имущества есть нѣчто самобытно и специфически христіанское, а отнюдь не результатъ вліянія римскаго права.

Во избѣжаніе недоразумѣній я долженъ сдѣлать одну оговорку Само собой понятно, что вопросъ о правѣ собственности не есть вопросъ о правѣ распоряженія. Церковное имущество находится въ завѣдываніи церковной организаціи, но оно конечно не составляетъ собственности ея Съ признаніемъ церкви субъектомъ церковно-имущественныхъ правъ не только совмѣстимо, но и необходимо участіе членовъ церкви въ завѣдываніи имуществомъ, разъ церковь понимается въ православномъ

---

[1]) Подобный взглядъ на церковное имущество былъ высказанъ и проф. Н. Заозерскимъ. Вотъ его подлинныя слова. «Субъекты права собственности на церковное имущество, по христіанской и языческой теоріямъ, различны По христіанскому ученію имущество церковное—есть имущество нищихъ, по языческому же вѣрованію собственникомъ такового имущества является богъ языческій Признавать, что распорядитель церковнаго имущества—есть епископъ—точка зрѣнія языческая По воззрѣніямъ язычниковъ—богъ языческій требуетъ жертвъ, по христіанскому понятію—Богъ лишь допускаетъ и принимаетъ благочестивыя жертвы. Съ возникновеніемъ христіанства, указанная языческая теорія вошла и въ христіанство, проникла въ кормчую книгу, а за симъ утвердилась и въ нашемъ народномъ религіозномъ сознаніи. Благочестивые христіане, принося посильную жертву самому Богу, или сдѣлавъ пожертвованіе какому-нибудь святому угоднику, напримѣръ, преподобному Сергію,—остаются въ убѣжденіи, что пожертвованное имущество становится собственностью именно Св. Сергія. Эта точка зрѣнія не христіанская, по-христіански жертва принадлежитъ не преподобному, а христіанской общинѣ, избравшей своимъ покровителемъ Св. Сергія». См Проток. Предсоб Присут. IV, стр 103—104 Послѣ рѣчи Н Заозерскаго Н Кузнецовъ заявилъ: «поэтому, если возникнетъ вопросъ о томъ, можетъ ли храмъ быть юридическимъ лицомъ, то придется отвѣчать, что не можетъ, потому что основаніемъ сего послужили бы мотивы языческіе». Ibid. стр. 105.

церковномъ правѣ, какъ институтъ—общество [1]). Однако это завѣдываніе не можетъ быть полнымъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ церковь мыслилась бы только какъ общество, и совсѣмъ устранялся бы ея институтный характеръ. Въ ней долженъ доминировать авторитативный принципъ.

Все сказанное нами до сихъ поръ рѣшительно приводитъ къ выводу, что субъектами церковно-имущественнаго права могутъ быть лишь церкви и церковные институты, но отнюдь не общества, не общины церковныя, не корпораціи, и что въ частности субъектомъ церковно-приходскаго имущества должна быть церковь приходская, а отнюдь не приходъ, понимаемый какъ церковная община. Усвоеніе церковной собственности приходу, а не церкви, противно основнымъ принципамъ православнаго церковнаго права. Это было бы посягательствомъ на существенные признаки церкви, какъ спасительнаго учрежденія, основаннаго Богомъ. осуществляющаго волю Божественнаго Учредителя, имѣющаго организацію, надѣленную полномочіями не отъ общины, а отъ Самого Христа. Церковь изъ Божественнаго института превращалась бы въ свободную корпорацію съ религіозными цѣлями, порывала бы связь со Своимъ Главой и невидимой Церковью. Это значило бы совсѣмъ устранить изъ церковнаго права понятіе невидимой церкви и объявить это право исключительно jus humanum, правомъ человѣческимъ, не заключающимъ въ себѣ никакого чрезвычайнаго, свыше даннаго элемента. Однимъ словомъ признаніе прихода, въ смыслѣ церковной общины, собственникомъ церковно-приходскаго имущества является нарушеніемъ основныхъ началъ православнаго церковнаго права, уклоненіемъ отъ нихъ въ сторону свѣтскаго и даже древне-римскаго языческаго права. Это равнялось бы цѣлой революціи въ православномъ правѣ.

Подобное уклоненіе отъ основныхъ принциповъ православнаго церковнаго права мы находимъ въ про-

---

[1]) Въ церковномъ правѣ католиковъ церковь понимается, какъ институтъ, у протестантовъ—какъ община.

тестантскомъ церковномъ правѣ. Исторія церковныхъ общинъ у протестантовъ для насъ весьма поучительна, поэтому мы кратко напомнимъ о ней со словъ такого безпристрастнаго и глубокаго изслѣдователя, какъ Гирке.

Исключивъ изъ церковнаго права понятіе «невидимой церкви», догматически признаваемой въ символическихъ книгахъ, и отвергнувши священство, какъ особое состояніе въ церкви, надѣленное чрезвычайными дарами и полномочіями, реформація попыталась конструировать видимую церковь на основаніи общиннаго, корпоративнаго принципа, и эту церковь, какъ общину, сдѣлать дѣйствительнымъ субъектомъ права. Но эта попытка не осуществилась. На дѣлѣ оказалось, что вся активная правоспособность территоріальнаго церковнаго союза была привязана къ понятію свѣтской власти, Богомъ установленной. Прежнія общецерковныя должностныя лица являлись лишь ея вспомогательными органами. Разумѣется при такихъ обстоятельствахъ не могло развиться понятіе о церковной личности, отличной отъ правительства Церковь, какъ юридическое лицо, сливалась съ правительствомъ. На этой почвѣ возникла секуляризація церковнаго имущества, упраздненіе монастырей и богоугодныхъ заведеній. Даже тѣ, кто протестовалъ противъ такихъ дѣйствій правительства, исходили вовсе не изъ понятія о церкви, какъ самостоятельномъ субъектѣ права, а скорѣе изъ идеи о цѣлевомъ имуществѣ, изъ мысли, что имущество, предназначенное для извѣстной цѣли, на эту именно цѣль или подобную должно и тратиться.

Что же касается теперь мѣстныхъ церковныхъ союзовъ и приходскихъ общинъ, входящихъ въ составъ территоріальнаго совѣта, то реформація и здѣсь исходила изъ представленія корпоративно организованной церковной общины. Но и въ этомъ случаѣ попытка провести этотъ принципъ въ жизнь, если исключить позднѣйшія пресвитеріанскія организаціи, потерпѣла неудачу. Церковныя общины повсюду были отожествлены съ политическими. И это отожествленіе почти уничтожало принципъ общинности, такъ какъ церковная приходская община съ одной стороны стала составной

и зависимой частью городского и территоріальнаго церковнаго союза, съ другой стороны на нее была перенесена политическая организація общинъ. Активная правоспособность ея принадлежала правительству, а обществу усвоялось лишь право содѣйствія въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ затронуты общіе интересы отдѣльныхъ лицъ. Проще сказать, мѣстный церковный совѣтъ былъ лишь отдѣломъ правительственной церкви.

Вся эта эволюція протестантской церковной общины отразилась и на ея имущественномъ правѣ. Первые реформаторы усиленно проводили мысль, что церковная община есть собственница церковнаго имущества. Исходя изъ идеи общественной собственности, протестанты повсюду уничтожили имущества отдѣльныхъ церковныхъ институтовъ и составили изъ нихъ «общественныя кассы» (gemeine Kasten). Но такъ какъ церковной самостоятельной общины, независимой отъ политической, не существовало, то эти «общественныя кассы» сдѣлались составною частью «общественнаго добра» (gemeines Gut) и разсматривались весьма часто просто какъ коммунальное имущество, служащее для «общественной пользы» (gemeiner Nutzen). Главное завѣдываніе имъ принадлежало мѣстнымъ властямъ при извѣстномъ содѣйствіи общества подъ верховнымъ надзоромъ правительства. «Такимъ образомъ, говоритъ Гирке, была опасность, что понятіе церковной собственности погибнетъ, и ея мѣсто займетъ собственность политической общины» Вызванная этимъ опасеніемъ реакція въ пользу самостоятельности церковной собственности уже не пыталась даже воскресить самостоятельную церковную общину; она довольствовалась собственно тѣмъ, что требовала употребленія церковнаго имущества лишь на церковныя цѣли, обращенія конфискованныхъ государствомъ имуществъ на цѣли церковныя, просвѣтительныя и благотворительныя. Съ другой стороны она требовала децентрализаціи церковнаго имущества. Такимъ образомъ было предпринято выдѣленіе изъ «общественныхъ кассъ» кассъ для духовныхъ, для бѣдныхъ, кассъ, назначенныхъ на образованія и т. д. Но эта фиксація цѣли церковнаго

имущества не означала еще возникновенія самостоятельнаго субъекта церковной собственности. И теперь продолжали признавать политическую общину или владѣтельнаго князя собственникомъ церковнаго имущества. Проводился и въ теоріи и на практикѣ взглядъ, что за выдѣломъ части, достаточной для церковной цѣли, излишекъ церковчаго имущества долженъ доставаться политической общинѣ или князю, какъ свободное публичное имущество

Сознаніе всѣхъ этихъ ненормальностей заставило протестантовъ вернуться къ каноническому воззрѣнію, по которому церковные институты, а не общины, являются юридическими лицами и, какъ такіе, субъектами церковной собственности. Случилось это такимъ образомъ. Во многихъ церковныхъ организаціяхъ «общественная касса» была признана самостоятельнымъ и отличнымъ отъ общины субъектомъ права. Вмѣстѣ съ тѣмъ управленіе этимъ имуществомъ было ввѣрено особому самостоятельному органу, въ составъ котораго входили представители интересовъ общины, правительства и духовенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ были признаны, какъ самостоятельныя юридическія лица, какъ особые субъекты права—монастыри и различныя благотворительныя учрежденія. Но при этомъ новомъ порядкѣ вещей церковные субъекты правъ пользуются уже меньшею самостоятельностью, чѣмъ въ средніе вѣка. Правительство самостоятельно измѣняетъ кругъ юридическихъ лицъ, уничтожая одни, вводя другія. Управленіе и представительство каждаго отдѣльнаго церковнаго субъекта правъ все болѣе и болѣе представляется простой правительственной делегаціей и вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняется до мелочей доходящему правительственному надзору. Правительство начинаетъ мыслиться своего рода центральнымъ управленіемъ по отношенію къ церковнымъ институтамъ [1]). Обобщая всю исторію церковной общины въ протестантскомъ мірѣ, Гирке говоритъ: Реформація начала съ радикальнаго отрицанія каноническаго понятія учрежденія. Она замѣнила

[1]) Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht, III, S. 799—812.

его понятіемъ церковной общины. Когда же осуществить ее въ области права не удалось, то снова возвратились въ юридическомъ отношеніи къ каноническому понятію учрежденія. Только въ учрежденіи церковная власть была поглощена теперь властью государственной [1]). Такова въ краткихъ словахъ исторія протестантской церковной общины. Эта исторія для насъ въ настоящее время очень поучительна. Мы могли бы прочесть въ ней отчасти свое будущее, если бы былъ принятъ у насъ проектъ о надѣленіи прихода, какъ церковной общины, правами юридическаго лица вмѣсто церкви.

Но, говорятъ, церковно-приходская община съ правами юридическаго лица не есть явленіе лишь протестантскаго права. Она имѣла мѣсто также въ исторіи православнаго права и вполнѣ мирно уживалась съ его основными началами. Мало этого, она знаменовала собой періодъ особеннаго разцвѣта церковно-приходской жизни, время особеннаго подъема религіозности въ русскомъ народѣ. Таковъ именно былъ древне-русскій приходъ въ сѣверной Россіи въ XVI и XVII в. Можно сказать, что изученіе древнерусскаго сѣвернаго прихода и дало главный толчекъ къ мысли надѣлить приходъ правами юридическаго лица. Одинъ изъ членовъ Предсоборнаго Присутствія говорилъ [2]): «идея, которую я защищаю, не новая, а старая. Я извлекъ ее изъ древнихъ русскихъ памятниковъ, изъ историческихъ актовъ построенія храмовъ, изъ актовъ древней русской общины. У насъ испарилась идея о цѣлости церковной общины... Пусть церковная община воскреснетъ и религіозно и матеріально». Какъ тѣсно связана реформа прихода съ указаннымъ историческимъ прецедентомъ въ сознаніи нашихъ реформаторовъ, видно изъ того, что самая реформа обычно называется возстановленіемъ, возрожденіемъ и даже воскресеніемъ прихода. Дѣйствительно ли этотъ историческій прецедентъ доказываетъ цѣлесообразность, а главное совмѣстимость предпола-

---

[1]) Ibid. S. 799

[2]) Папковъ—Журналы Предсоборнаго Присутствія. III, стр. 303 309.

гаемой реформы съ основными принципами православнаго церковнаго права?

Въ настоящее время исторія древнерусскаго прихода достаточно уяснена въ наукѣ [1]), и она даетъ опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Надо лишь удивляться тому, что многочисленные защитники приходской реформы не замѣтили того, что этотъ приходъ есть, образно выражаясь, незаконное дитя православнаго церковнаго права, что онъ возникъ на почвѣ не столько церковнаго, сколько гражданскаго права. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно познакомиться съ главными чертами древнерусскаго прихода.

Въ древней Руси церкви строились «міромъ», не на добровольныя приношенія вѣрующихъ, а путемъ обязательнаго самообложенія Расходы по построенію храма разверстывались обычно «по носамъ», какъ, выражались тогда, причемъ съ неисправныхъ членовъ міръ взыскивалъ всѣми находившимися въ его распоряженіи мѣрами: «стоялъ противъ нихъ всѣмъ міромъ». Постройка церквей и учрежденіе новыхъ приходовъ, говоритъ Богословскій [2]), были на Сѣверѣ результатомъ дѣятельности такихъ же товариществъ—складствъ, какими двигалась и промышленная жизнь края». Построивъ такимъ образомъ церковь, міръ отводилъ въ ея пользу землю. Но эта земля продолжала оставаться однимъ изъ видовъ мірского имущества. Поэтому она не обѣлялась, подобно монастырскимъ землямъ; на нее падала извѣстная часть мірского тягла [3]). Отсюда прихожане естественно считали и храмъ и землю церковную своею собственностью. Они говорили о храмѣ: «строеніе наше». Какъ собственники храма, прихожане считали себя въ правѣ пользоваться имъ не только для религіозныхъ, но и

---

[1]) Преимущественно трудами Папкова (Древнерусскій приходъ. Богословскій Вѣстникъ, 1897 г Февраль, Мартъ и Апрѣль) и проф Богословскаго (Земское самоуправленіе на Русскомъ Сѣверѣ въ XVII в. Томъ I. 1909 г. II. 1912 г.).

[2]) Земское самоуправленіе на Русскомъ Сѣверѣ въ XVII в. Т. II, стр 23

[3]) Проф. Богословскій, Земское самоуправленіе на Русскомъ Сѣверѣ. Т. I, стр. 62.

для общественныхъ цѣлей. При самомъ храмѣ устраивались такъ называемыя «схожія избы» или «трапезы», отдѣлявшіяся отъ храма въ собственномъ смыслѣ стѣной, но соединявшіяся съ нимъ окнами. Въ этихъ трапезахъ происходили общественныя собранія по всевозможнымъ мірскимъ дѣламъ Здѣсь выбирали должностныхъ лицъ, производили судъ, обсуждали торговыя дѣла и промышленныя предпріятія. Здѣсь же устраивали общія пиршества, поминальные обѣды, свадебныя торжества, на которыхъ нерѣдко появлялись плясуны, скоморохи, ученые медвѣди и собаки. Для варенія общественнаго или «молебнаго» пива и меда при церквахъ находились особые мѣдные котлы въ 20 ведеръ вмѣстимостью и чаши. Во всемъ этомъ нельзя не видѣть прямого наслѣдія отъ языческихъ временъ. когда храмъ служилъ мѣстомъ народныхъ собраній и народныхъ пиршествъ. Правда въ XVI вѣкѣ, когда пастыри возвысили свой голосъ противъ остатковъ язычества «противъ игръ и позоровъ бѣсовскихъ и плясокъ срамныхъ» (Стоглавый соборъ), разгулъ, совершавшійся при храмахъ, ослабѣвалъ понемногу. Общественныя увеселенія теряли свой языческій колоритъ, однако излишества въ ѣдѣ и питьѣ продолжались [1]). Эти праздничныя собранія особенно рельефно, по мнѣнію Папкова [2]), указывали на сплоченность самоуправлявшейся церковной общины.

Всѣ церковные доходы и пожертвованія въ пользу церкви міръ считалъ однимъ изъ видовъ мірского имущества и называлъ церковную казну «всемірской коробкой» Считая своею собственностью церковную казну, міръ выдавалъ ссуды изъ нея какъ частнымъ лицамъ, такъ и цѣлымъ обществамъ деньгами, хлѣбомъ, сѣномъ и т. д. По выраженію Папкова и Богословскаго, церковныя кассы служили для крестьянъ кредитными учрежденіями, народными банками [3]). Такъ какъ церков-

---

[1]) Папковъ, Древне-русскій приходъ. Богословскій Вѣстникъ, Мартъ, стр. 392–393

[2]) Папковъ, Древне-русскій приходъ. Богословскій Вѣстникъ, Мартъ, стр. 381.

[3]) Богословскій, Земское самоуправленіе. Т. II, стр. 39; Папковъ, Богословскій Вѣстникъ, Февраль, стр. 274.

ныя деньги выдавались часто подъ залогъ, то храмы служили не только банками, но вмѣстѣ съ тѣмъ и волостными ломбардами. Въ церковной казнѣ хранились жемчугъ, серьги, пуговицы, кафтаны, рубахи и т. д., и т. д. [1]).

Какое же положеніе занималъ клиръ въ древнерусскомъ приходѣ? Если храмъ и все церковное имущество считалось собственностью прихожанъ, то и на служащаго при храмѣ священника могли смотрѣть лишь какъ на уполномоченнаго и даже наемника прихожанъ. Такъ дѣйствительно и было. Міръ заключалъ съ кандидатомъ на священство сдѣлку найма съ обычными ея признаками: срокомъ, свидѣтелями и неустойкой. Вотъ образецъ «порядной записи», заключавшейся между прихожанами и священникомъ. «Язъ, попъ Ѳедоръ Алексѣевъ порядился есми у церковнаго старосты.. да у волостныхъ крестьянъ .. служити мнѣ попу десять лѣтъ съ 157 года апрѣля 8 до 167 г. до такова же дня... быти въ церкви подвижну, неослышну, къ болямъ и родильницамъ и для всякаго очищенія къ крестьянамъ ходити и родителей у нихъ поминати... А буде я, попъ Ѳедоръ, почну жити въ церкви не подвиженъ и крестьянъ учну ослышаться, и къ родильницамъ и къ болямъ не почну ходити, и мнѣ попу день и недѣля, и недѣля и мѣсяцъ, и мѣсяцъ и годъ, и вольно имъ, крестьянамъ, опрочь отрядити» [2]) Отсюда видно, что дѣло избранія было срочнымъ, въ данномъ случаѣ на 10 лѣтъ. Однако крестьяне по порядной записи имѣли право отставить попа въ разные сроки, чрезъ недѣлю, мѣсяцъ, годъ, если онъ былъ непослушенъ крестьянамъ и не выполнялъ своихъ обязанностей. Большая часть порядной занята очень подробнымъ перечисленіемъ условій матеріальнаго обезпеченія нанимающагося священника съ указаніемъ извѣстныхъ неустоекъ [3]). Такимъ образомъ отношенія священника къ прихожанамъ были отноше-

[1]) Богословскій, Земское самоуправленіе II, стр 39.

[2]) Богословскій. Земское самоуправленіе на Русскомъ Сѣверѣ. II, стр. 28 29

[3]) См у Богословскаго, Земское самоуправленіе на Русскомъ Сѣверѣ. II, стр. 29

ніями договаривающихся сторонъ. Община смотрѣла на своего священника, какъ на своего уполномоченнаго, забывая о томъ, что полномочія церковной власти исходятъ не отъ общины, а свыше. Даже епископская власть признавалась мало. Митрополитъ псковскій Маркеллъ жаловался государямъ въ XVII в., что во Псковѣ и его пригородахъ съ уѣздами «надъ тѣми церквами архіереи воли не имѣютъ, владѣютъ мужики, а церкви всѣ вотчинныя, и тѣми вотчинами владѣютъ и себя полнятъ и корыстуются сами, архіерею непослушны, о чемъ указъ пошлешь, не слушаютъ и безчестятъ, на счетъ не идутъ, многая церковная казна пропадаетъ за ними отъ древнихъ лѣтъ».

Прекрасную иллюстрацію къ изслѣдованію Папкова и Богословскаго о древнерусскомъ приходѣ даетъ *челобитная* заказного старосты діакона Артемія съ жалобой на крестьянъ Устюжскаго уѣзда, не слушающихъ духовныхъ властей и творящихъ всевозможныя безчинія (около 1652 г.) Вотъ этотъ замѣчательный документъ (съ исправленной орѳографіей).

«Царю и Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Руси бьетъ челомъ Устюжскаго уѣзда съ Двины рѣки Черевковской волости заказной староста Артемій діаконъ, и извѣщаю Тебя, Государь, про такое безчиніе, еже издавна творятъ во всемъ Устюжскомъ уѣздѣ по всѣмъ волостямъ: когда во святыхъ Божіихъ церквахъ поютъ вечерню или заутреню и молебенъ и часы и святую литургію, и въ то время въ трапезѣ за столомъ сидятъ судьи и цѣловальники и денежные сборщики съ дьячками, берутъ всякіе Твои Государевы доходы, дань и оброкъ, и многажды бываетъ во время святой литургіи и шумъ и крикъ великъ, земскіе судейки суды судятъ и всякіе совѣты совѣтуютъ мірскіе, и приставы на правежѣ держатъ крестьянъ, правятъ и въ колоду сажаютъ всякихъ пенныхъ людей, а колода устроена въ трапезѣ. Да у нихъ же бываетъ по Владычнымъ праздникамъ или въ которой волости храмъ святому, и крестьяне варятъ пива на поварнѣ и привозятъ къ праздничной вечернѣ бочекъ по десяти и больше и ставятъ бочки въ трапезу,

нацедятъ пива въ сосуды и приносятъ въ церковь и поставятъ пиво на столъ предъ Владычнымъ образомъ или Пречистыя Богородицы или которой во имя храмовой праздникъ, отпоютъ святую литургію и надъ кануномъ, и крестьяне соберутся въ трапезу пива пити и напьются до пьяна; и бываетъ отъ пьяныхъ шумъ великъ и брань неподобная и срамословіе у нихъ между собою о пивѣ драка и шумъ и вопль и срамословятъ всякія словеса безстыдно. А кто имъ станетъ запрещать, попъ или діаконъ, про такое нечестіе, и они насъ не слушаютъ, бранятъ матерно: «у насъ де то издавна зачалось, были де прежде попы и лучше васъ, а намъ про то не запрещали, сами съ нами пили и насъ благословляли». А на всякой годъ на Владычные храмовые праздники варятъ пивъ по двѣнадцати и больше, солодъ собираютъ міромъ, а хмель купятъ на церковныя деньги. А во многихъ, Государь, церквахъ скудно книгами и иными потребами, нечѣмъ воску купить на свѣчи и ѳиміаму и пшеницы на просвиры, во многихъ церквахъ просвиры приносятъ на жертвенникъ ржаные, а отъ того проторя многія церкви оскудѣли. Достальную церковную казну земскіе судьи и цѣловальники въ міръ розняли займами въ кабалы, а платить по кабаламъ тѣхъ церковныхъ денегъ мірскіе люди и не думаютъ: «церковь де наша и строеніе наше и казна наша». Еще они и иное безчиніе творятъ. Послѣ Рождества Христова и до Крещенія послѣ вечерни младые люди въ трапезѣ играютъ всяческими игры и кощунаютъ, всякія словеса безстыдно говорятъ; а запретить имъ некому, церковныхъ настоятелей не слушаютъ: «церковь де и трапеза строеніе наше, какъ де хотимъ, такъ и играемъ». А когда они крестьянъ родителей поминаютъ и приносятъ въ церковь къ панихидѣ пивной канунъ и ставятъ въ рядъ съ кутьей, да приводятъ въ торгъ продавать зайцы давленые, а по мясоѣдамъ свадьбы играютъ, случится противъ среды и пятка, а пріѣзжаютъ къ вѣнчанью квечеру поздно среди ночи, а послѣ вѣнчанья продолжится столъ и питіе до заутренняго пѣнія» [1]).

[1]) Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1907 г. кн I, стр. 31—32.

Изъ представленной характеристики древнерусскаго прихода, о возстановленіи котораго у насъ такъ много мечтаютъ, легко видѣть, что на древнемъ Сѣверѣ церковная и гражданская община въ значительной степени сливалась. Границы прихода совпадали съ границами земскихъ областныхъ дѣленій. Волостной сходъ былъ тожественъ съ собраніемъ прихожанъ. Міръ непосредственно завѣдывалъ церковными дѣлами. Организація богослуженія и церковное хозяйство являлись предметами земскаго самоуправленія. Въ свою очередь церковь обслуживала земскія нужды. Церковная трапеза служила мѣстомъ волостныхъ сходовъ, засѣданій волостного суда, а церковная касса—крестьянскимъ банкомъ и ломбардомъ. Въ церковномъ старостѣ нерѣдко соединялось попеченіе о церковномъ имуществѣ съ обязанностями земской власти.

Это смѣшеніе церковной и гражданской общины естественно повлекло за собой перенесеніе въ сферу церковнаго права гражданскихъ началъ. «Особенностью церковной организаціи древнерусскаго Сѣвера, говоритъ проф. Богословскій [1]), была ея близость къ организаціи земской. Церковный строй былъ тѣсно связанъ съ земскою жизнью и отражалъ въ себѣ многія черты этой жизни». Въ числѣ этихъ особенностей земскаго строя, перенесенныхъ на церковь, былъ корпоративный, общинный характеръ церковнаго имущества, да и самаго церковнаго строя. Церковное имущество мыслилось мірской собственностью, клирики лишь простыми уполномоченными прихода, зависящими всецѣло отъ прихожанъ. Были забыты понятія о церкви, какъ общинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ институтѣ, о духовной должности, какъ имѣющей чрезвычайныя полномочія, и объ имуществѣ церковномъ, какъ собственности не общины, а самой церкви. Эту точку зрѣнія отчасти раздѣляла и наша свѣтская власть. Когда псковскіе архіереи потребовали, чтобы имъ было предоставлено управленіе церковными вотчинами, то сенатъ по жалобѣ крестьянъ опредѣлилъ, что архіепископскому дому въ управленіе

---

[1]) Земское самоуправленіе, II, стр. 19.

вотчинами и въ распоряженіе ихъ доходами не слѣдуетъ вступаться, и что онъ не можетъ требовать для отчета приходорасходныхъ книгъ, но долженъ довольствоваться лишь ежегодными взносами псковичей. Но Синодъ рѣшительно протестовалъ противъ этой нецерковной точки зрѣнія на церковную собственность. Онъ писалъ: «По содержанію правилъ святыхъ апостоловъ и Богоносныхъ отцевъ и духовнаго регламента и заповѣди благовѣрнаго царя Мануила Комнена греческаго, тѣхъ церковныхъ вотчинъ и крестьянъ псковскимъ посадскимъ людямъ ничѣмъ не вѣдать и не интересоваться, а быти въ вѣдомствѣ псковскаго архіепископа и приходныя и расходныя книги у старостъ къ счету взять въ архіерейскій домъ для того, что данное къ церквамъ уже церковное и состоитъ въ смотрѣніи духовной власти» [1]). Но еще ранѣе, именно въ 80-хъ годахъ XVII столѣтія, съ учрежденіемъ двухъ сѣверныхъ епархій, сѣверный русскій приходъ утрачиваетъ свой корпоративный строй, и управленіе церковнымъ имуществомъ становится дѣломъ епархіальной власти [2]).

Итакъ древнерусскій приходъ съ его церковно-имущественными правами не есть дитя православно-церковнаго права, а плодъ смѣшенія церковной и политической общины, а потому онъ отнюдь не долженъ создавать прецедента для русскаго церковнаго права. Сверхъ того слѣдуетъ замѣтить, что даже и въ древнерусскомъ сѣверномъ приходѣ никогда не умирала идея принадлежности церковнаго имущества самой церкви. Это видно изъ того, что церковная казна по старинной терминологіи называлась по имени святого, въ честь котораго былъ построенъ храмъ, напримѣръ «Спаса Нерукотвореннаго образа казна», «Хлѣба Спасовы» и т. д. Подобно этому земли церковныя назывались землями или «мѣстомъ» Ивана Предтечи, Великаго чудотворца Николы, пророка Иліи. Самый храмъ

---

[1]) Первое Полное Собраніе Законовъ Россійской имперіи, т. IX, № 6303.

[2]) Богословскій, Земское самоуправленіе, II, стр. 52.

обычно назывался именемъ святого,—Святой Николай, св. Илья пророкъ, св. великомученикъ Георгій и т. д. [1]). Все это показываетъ, что само народное сознаніе собственникомъ церковнаго имущества считало церковь или учрежденіе, конкретно представляемое подъ образомъ того или другого святого; приходъ же, какъ община, былъ лишь фактическимъ распорядителемъ этого имущества.

---

[1]) Папковъ, Богословскій Вѣстникъ 1897 г. Февраль, стр. 264. Проф. Богословскій, Земское самоуправленіе I, стр. 62.